

ТЕННАДИЙ БАШУНОВ

МОТИЛЬЩИК
ЦЕНА ПОКОЯ

ИДДК

КНИГА 2

Annotation

В поисках информации о Великой Войне Велион отправляется в Имп, где один за магов прошлого должен был оставить послание потомкам. Могильщик даже не подозревает, что он лишь один из участников плана странных и очень могущественных существ, и претворение этого плана в жизнь начинает набирать обороты. А тем временем жрецы Единого объявляют могильщикам настоящую войну...

Геннадий Башунов

Могильщик. Книга 2. Цена покоя

© Башунов Геннадий

© ИДДК

Пролог

Странные посетители

Дела в последнее время шли, мягко говоря, не очень. И это даже спустя полтора месяца после того случая, что Шёлк в разговорах с друзьями и семьёй называл «неприятным инцидентом».

Если Шёлк и не надеялся на вал посетителей в ближайшие пару дней после убийства сказителя магами, то уж через неделю-то слухи точно должны были поутихнуть, инцидент – подзабыться, а местные выпивохи – вернуться на свои насиженные места. Но этого не произошло ни через неделю, ни через месяц. Не то чтобы город гудел, обсуждая случившееся. Маги, которые до того дня вели себя тихо, и сейчас были тише воды ниже травы, они даже на улицах Нового Бергатта стали появляться реже, не говоря уже о том, чтобы метать молнии в людных местах. Просто... просто «Жирный окунь» теперь считался плохим, если не сказать – проклятым местом, и это несмотря на то, что раньше харчевня претендовала на первое место в городе и окрестностях. Ну, пусть первое место относительно цены и качества, но всё же.

Да и, Шёлк честно признался себе в этом, он всё-таки ждал наплыва посетителей на следующий день. Или хотя бы толпы зевак, жаждущих поглядеть на место расправы. Но...

Сегодня в «Жирном Окуне» опять было практически пусто. Трое пьяниц, весь вечер заказывающих самое дешёвое пиво – вот и вся клиентура.

От него ушли два повара и одна служанка. И если повара сбежали к конкурентам, то служанка ушла напрямиком на панель, хотя строила из себя недотрогу всё время, пока работала у него. Помимо управления делами теперь Шёлку приходилось мести полы самому да выполнять кое-какую мелкую работу вроде колки дров, хотя раньше он предпочитал платить за такие мелочи едой попрошайкам. Но даже такие траты хозяину «Жирного окуня» были теперь не по карману. С такими успехами в делах как бы самому попрошайкой не стать...

Если бы он не продал втридорога одежду и припасы тому странному проходимцу в дранье, сегодня ему нечем было бы заплатить слугам. Тот бродяга платил золотом, хотя многие местные попрошайки одевались куда лучше него, и, Шёлк признался себе в этом раз в третий за день, он не отказался бы обмануть ещё одного такого дурачка.

Дверь харчевни, скрипнув, открылась. Шёлк повернулся к входу резко, словно охотничий пёс, почуявший добычу. Быстрым взглядом окинул гостя, оценивая платёжеспособность, и, нацепив на лицо широченную улыбку, направился к нему сам. Пусть на богача тот не походил, его запылённая одежда всё же выглядела неплохо. Путники порой оставляли щедрые чаевые, если их хорошо обслуживали, и Шёлк, мысленно положив руку на сердце и так же мысленно прося прощения у своих служанок, не отказался бы даже от пары лишних медяков. Всё-таки так сложились обстоятельства, и никто не должен называть его скаредным за просто желание сунуть пару лишних монет в карман.

– Сегодня у нас на ужин отличное жаркое из крольчатины, – сказал Шёлк, подойдя к посетителю.

Тот уставился на хозяина странным взглядом, будто оценивал. Причём в прямом смысле слова – так Шёлк смотрел на кусок вырезки на рынке. Так и сам Шёлк несколько мгновений тому назад смотрел на посетителя, оценивая его куртку, перчатки и сапоги. Но тут хозяину

харчевни стало немного не по себе. Возможно, из-за чудовищных размеров гостя, а может, из-за его мерзкой рожи. Когда-то тот, вероятно, был достаточно красивым мужчиной. Возможно даже, с тех пор прошло не так много лет. Но вот драк минуло много. У посетителя как минимум два раза был сломан нос, из-за шрама у левого глаза его бровь всегда выглядела удивлённо вздёрнутой, на высоком с залысинами лбу зловеще краснел неровный рубец, а на щеках и подбородке красовалась целая россыпь отметин от ударов и порезов помельче.

– Ты хозяин? – спросил мужчина, оглядев Шёлка с ног до головы.

Его голос звучал ещё более мерзко, чем можно было себе предположить.

– Я, – кивнул Шёлк и попятился, неожиданно решив, что пара лишних медяков, пожалуй, могут достаться и кому-нибудь из служанок.

– Мне сказали, у тебя здесь творились странные дела пару недель назад.

– Три, – пискнул хозяин и с трудом сглотнул слюну. – Три недели назад... господин.

Посетитель запустил руку в карман и вытащил грошовую серебряную монетку.

– Я хочу услышать обо всех странностях, что у тебя происходили, – процедил он. – Ещё я хочу жаркое, кувшин с пивом и постель на ночь. У меня много таких монет, Шёлк, и если информация будет полезной, часть из них окажется в твоём кошельке.

Шёлк, уже раздумывавший о том, что нет никакой разницы, как клиент выглядит, если он хорошо платит, махнул рукой служанке и сел рядом. Сейчас он расскажет всё. Посетует на все свои проблемы.

Но гость прервал его ровно на том моменте, как странствующий сказитель начал свой рассказ.

– Эту байку я слышал уже от четверых, – холодно сказал он. – Мне интересно вот что: как сказитель выглядел? Был ли с ним кто-то ещё? И не появлялись ли здесь пару недель назад странные посетители, которые могли сорить деньгами?

– У меня за эти три недели никто не сорил деньгами, – с искренней обидой в голосе проговорил Шёлк и замолчал, раздумывая, как выглядел сказитель. Если честно, хозяин харчевни куда лучше его запомнил уже после смерти – вывалившийся почерневший язык до сих пор снился ему ночами. – У сказителя всё лицо было в шрамах, – пробормотал он, выудив из памяти хоть какие-то подробности. – Мелких таких и тонких.

– Мелких? – переспросил гость. – Не было у него шрама на лице? – Он провёл от уголка рта к подбородку.

– Нет. Хотя... – Шёлк запнулся. Вообще-то один посетитель сорил у него деньгами. И, кажется, именно такой шрам у него и был. – Пару недель назад сюда приходил один оборванец с торбой, покупал одежду и еду. Очень странно разговаривал, всё нёс какую-то ерунду про большие дела и мелких людей, которые непонятно как оказались на дороге у великих. Вот у него шрам на подбородке.

– Как он был одет? – оживился посетитель. – Не было с ним черноволосого напарника, возможно, раненого, с разбитым лицом?

– Нет, он совершенно точно пришёл один. А одет... в лохмотья какие-то. Кажется, на его камзоле вышиты звёзды или что-то вроде того, там уже не различить, настолько одежда поизносилась. Он купил еды в дорогу и новую одежду и в тот же вечер ушёл.

Гость пожевал губами, достал из сумки свиток, развернул и, сморщив лоб, принялся читать.

– Шрам, коричневая куртка и коричневый плащ, – произнёс он, дочитав. – Ни слова про лохмотья и звёзды. Ничего не понимаю.

– Нет, куртка точно не коричневая, и не куртка это была вовсе. – Шёлк замолчал, чувствуя, как деньги из кошелька незнакомца утекают в карман кому-то другому. – У Негри, кажется, недавно был раненый постоялец, – вспомнил он. – Ушёл около недели назад. Кажется, именно черноволосый.

– Они были не вместе? – задумчиво спросил посетитель, всё так же глядя в пергамент.

– Нет. Тот появился на пару-тройку дней позже моего.

– На пару-тройку дней... А у них имелись с собой чёрные перчатки? Как у могильщиков?

Шёлк вздрогнул и непроизвольно сделал знак, отгоняющий нечисть.

– Вы что, господин, у нас тут могильщиков отродясь не бывало.

– Отродясь не бывало могильщиков? – переспросил посетитель, отрывая, наконец, взгляд от пергамента и всё так же морща лоб. – Ничего не понимаю.

Шёлк закивал. Он тоже ничего не понимал. Вообще ничего. Но очень хотел быть полезен гостю с деньгами.

– Ладно, – выдохнул посетитель, пряча пергамент, – завтра отведёшь меня к своему Негри, попробую со всем разобраться у него. Может, хоть что-то совпадёт с тем, что мне сообщили. Давай уже обед, да поскорее.

На стол упало две серебряные монеты покрупнее. Шёлк сграбастал деньги и улетел в кухню, чтобы поторопить служанок.

Не сказать, что дела пошли в гору. Но странные посетители то пытались угробить его харчевню, то давали ему хоть какую-то надежду продержаться на плаву ещё немного. Оставалось только хвататься за любую возможность прожить день, а что будет завтра – кто знает?

Возможно, даже что-то хорошее.

Арка первая

Отголоски прошлого

Глава 1

Старый друг

Левард считался богатым и удачливым человеком. Ему едва исполнилось тридцать, он отличался высоким ростом и имел вид отчаянного рубаки. Сын разорившегося мелкого помещика, два года назад участвовавший в войне с Горливым в качестве наёмника, сегодня он владел большим постоянным двором «У однорукого наёмника» неподалёку от предместий Ариланты. В той войне он потерял левую руку почти по локоть, но до того неудачного для себя боя то ли захватил в плен какого-то богатого вельможу, за которого получил выкуп, то ли награбил много добра во время победы при Айнсовских бродах, то ли вообще сокровище нашёл. Помня лихое прошлое, местные подпольные воротилы с ним предпочитали не связываться, богатства его множились – в общем, Левард прекрасно устроился в жизни.

Велион, находившийся рядом с Левардом в тот момент, когда он потерял руку, слушал эти сплетни, скрывая улыбку.

Когда-то хозяин «У однорукого наёмника» действительно был псом войны, и его отряд, насчитывающий более полусотни раубриттеров, участвовал то в одной войне, то в другой. Но больше трёх лет назад Левард проиграл своего потянувшего ногу боевого коня в кости, доспехи потерял по пьяни и в конце концов, выменял меч на чёрные перчатки могильщика. Два года назад они с Велионом бежали от войны, в которой Левард по легенде принимал непосредственное участие, а в следующем могильнике он, пожертвовав рукой, вытащил из запечатанного магией тайника горшок с монетами.

Но обвинить хозяина постоянного двора во лжи никто не мог: его бывший отряд, переметнувшийся к горливцам из-за застарелой профессиональной вражды с самим Гризбунгом, полным составом лёг на той легендарной переправе через Крейну, где Гризбунг завоевал себе корону.

Судя по огромному количеству посетителей, набившихся в общий зал, и тому, что могильщик едва нашёл место за одним из десятка длинных столов, дела у Леварда действительно шли хорошо. Служанка пробилась к Велиону только спустя четверть часа после того, как он вошёл в душное помещение.

– Что будем есть, что пить? – спросила вполне милая девушка, наклоняясь к самому уху Велиона – кучка пьяных мастеровых за соседним столом орала разухабистую песенку.

– Пока кружку пива получше. И мне нужен хозяин.

– Хозяин принимает только купцов и деловых партнёров.

– Передай ему, что к нему пришёл старый друг. Друг Велион. В какой-то мере, деловой партнёр.

Служанка открыла было рот, чтобы повторить отказ, но тут увидела перевязанную рукоять сабли, и её глаза округлились. Всё так же, не закрывая рот, она перевела взгляд на сломанный нос могильщика.

– Я передам, – выдохнула она наконец и растворилась в толпе.

Велион думал, что пиво ему принесут не раньше, чем через полчаса, но уже через пару минут толпу, словно таран, прошила грудастая служанка и шмякнула огромную кружку на стол. Она смотрела на могильщика во все глаза, будто увидела привидение. Или Единого. Через пару секунд она исчезла, даже не взяв денег.

Недоумевающий могильщик приложился к кружке. Пиво оказалось не просто

«получше», оно было великолепным, скорее всего, лучшим даже в таком богатом месте. И, вероятно, весьма и весьма дорогим. Пока он пил, к нему дважды подходили служанки – каждый раз разные – и спрашивали, не нужно ли ему чего-нибудь. Велион отвечал, что всё в порядке.

С дальнего конца зала послышались громогласные приветствия и тосты за здоровье. Здравницы потихоньку приближались к могильщику.

– Велион, – выкрикнул Левард, преодолевая толпу. Он ничуть не изменился за эти пару лет, лишь лёгкая седина тронула волосы на его висках. Из левого рукава богатой рубахи торчал искусно сделанный деревянный протез. – Жив, старый рубака.

Велион отставил кружку и поднялся со скамьи. Теперь он понял причину такой странной реакции служанок – его приняли за старого боевого товарища хозяина.

– Левард, – сказал он, улыбаясь.

Бывший могильщик обнял его.

– Пошли! Сегодня пируем у меня в апартаментах!

С большим трудом они принялись протискиваться сквозь толпу.

– Я уже распорядился подать хороший ужин, – кричал Левард Велиону на ухо. – Будет много мяса и отличное вино, потом – пиво и раки. А потом бабы. Лучшие в городе бабы, дружище.

– Я пришёл по делу, – сказал Велион.

– А то я не догадался. Просто так ты бы никогда не заявился, нормальная жизнь ведь не для тебя. Но поверь мне, дела лучше решать за хорошим ужином и с хорошим вином, а не на обочине дороги, как мы это делали раньше. Когда-то приходилось хвататься за ножи, чтобы по-честному разделить добычу, сейчас же я хватаюсь за бумажки.

– Не завидую я тебе.

Левард усмехнулся.

– Да. Тогда было честнее.

Могильщики вышли из большого здания. Во дворе, несмотря на поздний час, народу было ещё больше, чем внутри – путники, музыканты, фокусники, шлюхи, выпивохи из соседних деревень. Песни, разговоры, смех и крики смешивались с лаем собак и ржанием лошадей.

– У меня никогда не бывает тихо.

Велион ничего не ответил. Он бы не смог жить здесь долго, и дело не только в проклятии. Людные места ему никогда не нравились.

– Не тянет завязать?

– А тебя не тянет вернуться?

– Нет. С тех пор, как моя рука осталась на поле брани, как отрезало.

Да, такое бывало со многими. Как только могильщик лишился возможности ходить в мёртвые города, с ним начинали происходить странные вещи – он либо успокаивался, переставая чувствовать тягу к могильникам, либо терял аппетит и сон, начинал сходить с ума. Первые, которых было большинство, пытались приспособиться к обычной жизни, и у кого-то вроде Леварда это получалось. Вторые, те, кто жить не мог без могильников, либо кончали жизнь самоубийством, либо пытались продолжить своё дело, и оба этих варианта были абсолютно равносильны.

Жил Левард в небольшом домике, находящемся в самом дальнем углу двора. Домик этот хоть и был невелик размером, но обстановка там ничуть не уступала каким-нибудь

купеческим домам. Здание делилось пополам, в передней прихожая совмещалась с кухней, а в задней части дома спальня с огромной дубовой кроватью соседствовала с большим дубовым же столом, рядом с ней – полдюжины отличных драпированных кресел. На столе уже стояла выпивка и еда.

– Сначала к делам или к воспоминаниям о прошлом? – спросил Левард, усаживаясь в кресло.

– Как хочешь.

– Что ж... – хозяин постоянного двора разлил вино по бокалам, – хочу выпить за тебя, друг Велион. За то, что ты спустя каких-то два года всё-таки заглянул ко мне в гости, хотя я говорил приходить в любой день. И за те мысли, которые посещают меня почти каждый день. Мысли о том, что будь в тот день со мной другой могильщик, мои кости сохли бы в проклятой Клувилии, а этим постоянным двором владел бы тот, другой. За тебя, Чёрный могильщик.

Они выпили.

– Мы с тобой это обсуждали, – сухо сказал Велион, отставляя бокал. – Это была твоя добыча. Ты пожертвовал рукой ради неё.

– Ты мог бросить меня в любой день из тех, что тащил и меня, и нашу добычу сюда. Или даже зарезать на месте, чтобы не было проблем.

– Мог. И не могу сказать, будто не думал об этом в те дни. Плюнь на прошлое, Левард. Мы здесь, мы живы, и у нас есть что выпить.

– Ладно, плюнем на прошлое, – однорукий подлил вина в бокалы. – Ты прав. Давай поедим и выпьем, как следует старым друзьям после долгой разлуки.

Могильщик пригубил вина и подвинул к себе тарелку. На столе лежал печёный цыплёнок, ворох роголиков жареной кровяной колбасы, несколько сортов сыра, хлеб, жаркое из овощей, кастрюля с наваристым говяжьим бульоном, в котором плавала, должно быть, половина телёнка. У Велиона, пусть в последнее время и не нуждающегося в деньгах, но по понятным причинам питающегося в основном сухарями и солониной, потекли слюни. Поэтому он решил положить в свою тарелку всего понемногу.

– Ты изменился, – сказал он, откусывая половину колбаски, – болтаешь как торгаш – все эти длинные тосты, эти «друг Велион», чего уж говорить о тяге к роскоши. Раньше говорил: «Давай нажрёмся, брат, и снимем одну шляху на двоих, если денег хватит».

– Денег обычно не хватало, потому что пили мы как кони, – ухмыльнулся Левард. – Но сегодня у нас будет по две шляхи на каждого, а если захочешь, и больше. А по поводу изменений... приходится приспособливаться. Но всё к лучшему. Быть хозяином отличного постоянного двора мне нравится больше, чем наёмником и могильщиком.

– Всем бы так уходить на покой.

– Кое-кто уходит. Ты знаешь Крами?

Велион цыкнул. Воспоминания не из приятных – Крами была одной из красивейших женщин, которых он когда-либо знал, и она пользовалась этим без стеснения. После последнего их совместного похода Велион проснулся в трактире один, с чудовищным похмельем, без добычи, без денег и без отличного кинжала. Хорошо хоть могильщица, уходя, заплатила за постой.

– Как же не знать, ходили с ней на дело пару раз. А что с ней?

– Сейчас она хозяйка лучшего борделя в окрестностях Ариланты. Называется «Тёплая постель». Правда, он находится по ту сторону столицы, но я бы порекомендовал тебе сходить

туда.

– Нет времени. Так она тоже завязала?

– Да. Ей оторвало ступни с год назад, хотя бордель был у неё уже тогда. Она догадалась вкладывать добытое на могильниках в дело задолго до завершения... карьеры.

– Не сомневаюсь. Что ж, давай выпьем за неё.

«И за лучшую ночь в моей жизни», – мелькнуло в голове могильщика.

Они выпили до дна и на этот раз бокалы наполнил Велион.

– Как и говорил, я пришёл по делу.

Левард вздохнул.

– Я надеялся, что оно подождёт ещё хоть чуть-чуть. Но рассказывай, чем смогу, тем помогу.

– Во-первых, мне нужно продать саблю. Все эти проклятые законы меня убивают. Представь, на входе в пригороды у меня потребовали какое-то разрешение от любого городского старосты, а когда его, естественно, не нашлось, перевязали саблю и запечатали перевязь сургучом.

– Видимо, ты давно не был в окрестностях столицы – этому закону уже больше года.

– Наверное, я давно не ходил с оружием, которое нельзя было бы спрятать в плаще или рюкзаке. Во-вторых, мне нужна карта. Очень старая карта. На ней должно быть изображено южное побережье вместе с Импом. Если там будет нарисован сам Имп и его окрестности, старые мосты или броды через Крейну и её притоки, это будет идеально.

– Иногда я удивляюсь твоему цинизму, – вздохнул Левард, вставая из-за стола. – Ты всегда знаешь, к кому обратиться и кем воспользоваться.

Велион не стал спорить. Левард был одержим страстью к картам ещё с того момента, как стал наёмником. Он знал каждый город, каждую речушку и каждый брод через неё, каждый холмик, где можно разбить лагерь. Он помнил все места, где его отряд проходил хоть раз. Командиры об этом знали и пользовались знаниями Леварда до тех пор, пока он не ушёл в тот загул, после которого остался ни с чем. В могильниках он при любом случае старался найти библиотеки или что-то подобное, чтобы просмотреть имеющиеся там карты. В конце концов, бывший наёмник собрал, должно быть, самую полную из имеющихся карту довоенного мира.

Левард обогнул стол и, немного поковырявшись то ли с замками, то ли с охранным закливанием, выдвинул большой ящик. Искал нужную карту он недолго – двенадцатидюймовый пергаментный свиток был извлечён на свет буквально через несколько секунд.

– Вот, – сказал он, возвращаясь. Зубами Левард сорвал завязку, положил карту на стол, прижал её деревянной рукой и развернул здоровой, демонстрируя прекрасно детализированный рисунок могильщику. – Самая полная карта южного побережья. Самая полная из тех, что есть у меня, если быть точным. И посмотри на год – триста второй. Её нарисовали за пять лет до начала войны. А чем карта новее, тем она лучше. Если брать довоенное время, конечно – нынешние карты я бы использовал, только чтобы задницу подтирать. Лошадиную.

Велион внимательно изучил рисунок, не забывая при этом жевать.

– Это лучшая карта, которую я когда-либо видел. Что ты за неё хочешь?

– От тебя? Ничего.

– Так не пойдёт. Ты хвастался всеми своими картами, и этой я не помню. Значит, ты

добыл её уже после того, как завязал с могильниками. То есть, тебе пришлось потратить кучу времени, усилий и денег, чтобы её раздобыть. – Велион ухмыльнулся. – Не гневи своих торгашеских богов, Левард.

Бывший могильщик тяжело вздохнул, усаживаясь в кресло.

– В этом весь ты. Что ж... думаю, тебе эта сабля досталась не просто так?

– О, в какой-то мере я очень дорого за неё заплатил.

– Меняем?

Велион без сожаления отдал саблю Леварду. Тот ловко сорвал печать, распутал завязки одной рукой и, прижав культей ножны к поясу, вытащил клинок.

– Отличная сабля. Просто великолепная. – Хозяин постоялого двора ухмыльнулся. – Расскажу всем историю о том, что эта сабля была моей, но я отдал её тебе, когда потерял руку, чтобы ты отомстил моему обидчику, и вот теперь ты мне её вернул. Люди любят слушать подобные байки.

– Надеюсь, рассказывая, ты не будешь оскорблять магов.

– И не подумаю. А в чём дело?

Могильщик тяжело вздохнул.

– Ни в чём. Помнишь Кронле? Он погиб. Давай выпьем за павших.

Они выпили свои бокалы до дна и помолчали с минуту.

– Надеюсь, с делами и печальными новостями мы закончили? – спросил Левард после тягостной паузы.

Велион, уже спрятавший карту в рюкзак, кивнул.

– Тогда... – однорукий улыбнулся и выбил протезом дробь о латунную вставку в столешнице. Получившийся звук вышел негромким, но Велион почувствовал, как благодаря заклинанию эхо распространяется на весь постоялый двор. – Тогда, – повторил Левард, – давай нажрёмся, брат.

* * *

Сентябрь уже заканчивался – Велион потерял слишком много времени, залечивая раны, полученные в Бергатте, в небольшом трактире неподалёку от Нового Бергатта, а дорога до Импа предстояла неблизкая. Потеряв ещё два дня в гостях у Леварда, могильщик всё-таки собрался в путешествие.

Если Велион правильно всё рассчитал, то в Имп он успеет до конца октября. После похода в могильник отойдёт от побережья немного на север и зазимует где-нибудь на окраинах обжитых земель. Денег на зимовку у него предостаточно, да и вряд ли он вернётся из Импа с пустыми руками – добычи там должно быть много.

Ведь оттуда, по старой и недоброй байке, ходившей среди могильщиков, никто не возвращался, что, конечно же, было ложью. Из Импа вернулись минимум трое, и ещё не меньше десятка не дошли до города совсем чуть-чуть. С одним из вернувшихся могильщиков Велион разговаривал больше десяти лет назад, если это вообще можно назвать разговором.

Тот странный разговор произошёл в «Чёрной иве» – небольшой таверне в окрестностях Айнса, пользующейся исключительно дурной славой, благодаря тому что это место облюбовали могильщики и барыги, скупающие добро из мёртвых городов.

Услышав от одного из посетителей, что молчаливый старик в углу – могильщик,

побывавший в Импе, Велион сразу им заинтересовался.

– Нет, парень, – сказал его собеседник, хозяин «Чёрной ивы» Шамке, – лучше не приставай к нему с расспросами: что-то в Импе свело его с ума. Просто купи ему выпить, говорят, это хорошая примета.

Но Велион не собирался отступаться просто так. Он неплохо заработал во время прошлого своего похода, и если тот, кого называли Кашганом, любил выпить, Велион собирался купить ему столько выпивки, сколько в него влезет, но про Имп узнает.

Кашган пил дешёвое пиво, держа кружку левой рукой, а правая, зачем-то облачённая в перчатку, безвольно лежала на столе. Велион подсел к нему и поставил на стол кружку с выпивкой получше.

– Угощаю, – сказал он.

Старик кивнул и, допив залпом свою кружку, принял угощение. Велион тем временем изучал старого могильщика. Выглядел тот хреново – тощее лицо, набрякшие фиолетовые мешки под уставившимися в никуда глазами, губы, покрытые коростой. Правая щека Кашгана непрерывно дёргалась в нервном тике, отчего казалось, что старик вот-вот то ли расплачется, то ли рассмеётся. От сумасшедшего могильщика разило перегаром, помойкой и выгребной ямой одновременно.

– Ты был в Импе, – медленно произнёс Велион.

Кашган отпил пива и ничего не ответил. Не изменилась ни его поза, ни выражение лица, только тик как будто усилился.

– Говорят, дойти до него не так уж и сложно, но почему тогда оттуда почти никто не возвращался?

Ещё глоток пива. И тишина.

Велион задал ещё несколько вопросов, однако не получил ни одного ответа. Разозлившись, он уже собирался подняться из-за стола, когда правая рука старика вцепилась ему в предплечье. Взгляд старого могильщика был по-прежнему обращён на кого угодно, только не на Велиона, но его губы наконец шевельнулись.

– Мои глаза, – прошептал он слабым голосом, в котором отчётливо читались истеричные нотки, – мои глаза... горят... горят... а я не могу их закрыть...

Велион с трудом высвободил руку от хватки безумца, продолжающего шептать о горящих глазах, и вернулся на своё место. Он повидал множество испуганных и безумных людей, но взгляд Кашгана впечатался в его память, как клеймо.

На могильниках может случиться всякое, и смерть – далеко не худший конец. Поэтому Велион решил не соваться в Имп ни в коем случае. После того случая он дважды разговаривал с могильщиками, повернувшими назад у самых стен мёртвого города. Оба не скрывали своей трусости, и оба говорили, что ни капли не жалеют о принятом решении. При этом один рассказывал о каких-то призраках, кружащих вокруг стен Импа, а второму мерещились жуткие звери. Единственной общей деталью их рассказа было странное свечение, окутывающее их на подступах к могильнику.

Столицей магии до войны всегда считалась Илленсия, Бергатт же и Имп регулярно спорили за второе место. Могильщик видел остатки чудовищной мощи, разрушившей Бергатт и убившей практически всех его жителей, и подозревал – в Импе произошло что-то подобное. Но Урмеру говорил о каком-то послании, оставленном потомкам, а Велион прекрасно отдавал себе отчёт в том, что он никогда не простит себя, если не выяснит об этом послании всё.

– Ты совсем с ума сошёл, – покачал головой Левард, когда узнал, куда собирается Чёрный могильщик. – Это же самоубийство.

– Я отчётливо это понимаю, – буркнул Велион.

Он уже уложил в рюкзак кучу отличной еды и собирался покинуть «Однорукого наёмника» с минуты на минуту. Но перед выходом всё же созался другу, куда направляется. И это при том, что все два дня непрекращающегося пьянства держал язык за зубами, несмотря на все расспросы.

– И на кой ляд ты попрёшься в Имп?

– Мне посоветовали туда сходить.

– Надеюсь, ты пришил этого советчика.

Велион закинул рюкзак за спину и улыбнулся:

– Это был сумасшедший старый маг, который очень хотел моей смерти. Но один мой знакомый убил его за меня.

Левард долго смотрел на могильщика, видимо, раздумывая, шутит тот или нет.

– И ты всё равно идёшь? – спросил он после долгой паузы.

– Конечно, я же сказал тебе об этом пять минут назад. Маг говорил, что я многое узнаю о войне в Импе.

– Значит, ты тоже не бросил свою затею. Я продолжаю собрать карты, а ты ищешь любую информацию о войне. А ты уверен, что он не лгал тебе?

– Перед смертью люди обычно не лгут. Очень тяжело выдумывать ложь, когда тебя разрывают на части.

Однорукий покачал головой.

– Иногда мне кажется, будто ты сумасшедший. Но в то же время я уверен – ты единственный, кто сможет сходить в Имп и вернуться. Надеюсь, заглянешь на обратной дороге.

– Только весной, дружище.

– Тогда всю зиму мне придётся пить и заказывать девочек из «Тёплой постели», переживая за тебя.

Они пожали руки на прощание.

– Я верну тебе карту, я знаю, насколько она дорога для тебя, – пообещал Велион.

– Тогда мне придётся вернуть тебе саблю, – сказал ему в спину Левард.

– Только если Гризбунг отменит этот идиотский закон о ношении оружия, – ответил могильщик уже через плечо и ухмыльнулся.

Первым делом Велион пошёл не на юг, а дальше на восток – до Крейны. Если дорога предстоит долгая, то лучше не проделывать её на своих двоих. Покупать лошадь слишком дорого, да и выдержит ли она дорогу по разрушенным войной землям, неизвестно. Можно было попробовать прибиться к какому-нибудь обозу, но тогда могильщик потеряет ещё больше времени. Оставался последний способ – плот.

На самом юге, у устья Крейны, очень много лесов, но люди там не живут с самой войны – о тех местах ходит просто невероятное количество чудовищных и неправдоподобных слухов. И тем не менее, часть из них, очевидно, правдивы, иначе бы там давным-давно всё заселили. Официально эти земли принадлежат Коросскому королевству, но последнее поселение находится в шестидесяти с лишним милях от побережья – дотуда не доходят приливы с Ядовитого моря. Моря, отравленного магией семьдесят два года назад.

Та земля весьма скудна лесом, особенно годным для строительства, и потому почти всё

теплое время года торговцы сооружали из строительного леса огромные плоты. За сравнительно небольшую плату туда можно было устроиться пассажиром, также услугами сплавщиков пользовались купцы. После сплава плот просто разбирали, лес продавали и возвращались своим ходом до мест заготовки древесины, чтобы построить новый плот.

Велиону повезло – на хозяина одного из таких транспортов он наткнулся в одном из центров речной торговли всего лишь через три дня после того, как покинул постоянный двор Леварда. Это был угрюмый мужик, поросший волосами, словно леший. Выслушав могильщика, он просто буркнул:

– Дорога до Последнего Причала стоит два гроша. Жратву или свою бери, или будешь покупать у нас. Ни брагу, ни пиво с собой не брать. За драку наказание одно – прочь с плота, и повезёт, если во время захода в порт. Отплываем завтра перед рассветом.

Велион кивнул, сунул монеты в волосатую ладонь дровосека (или сплавщика?) и отправился к ближайшим прилавкам с едой.

* * *

– И куда его понесло, как ты думаешь? – спросил тот, кто уже почти год назывался Кронле.

Он сидел, прислонившись спиной к куче мусора, в которой, не обращая на него никакого внимания, рылась пара бродячих собак. Несколько свежих шрамов на его лице кровоточили, а правая рука висела хлыстом. Это тело уже не выдерживало его присутствия, и, кажется, его дни здесь сочтены.

Одна из собак замерла, из её пасти потекла кровавая слюна.

«В Имп. Я думаю, его понесло в Имп. А тебя так и тянет на помойку».

– Зачем? Что там делать?

Собака заскулила и неуклюже села, из её пасти потекла уже не слюна, а кровь.

«Лезть в самую жопу, что же ещё».

– Поэтому он тебе и приглянулся, да?

«Поэтому он нам так нужен. Если он и такие, как он, не будут лезть в самую жопу, у нас ничего не выйдет».

– О, ну это всё меняет. Они лезут во всякую жопу, а мы потом забираем нужные нам вещи. Вот только где Рука? Куда она подевалась?

«Мы не знаем. У него её точно нет».

– Вот именно. Так и получается: мы обосрались в Бергатте, а сейчас он идёт в Имп и там, скорее всего, сдохнет, а мы останемся ни с чем. К тому же, в Импе нет ничего полезного для нашего дела.

«А ты сможешь его остановить?»

Существо в теле Кронле помолчало, прикидывая расстояние. Куча мусора, у которой он присел отдохнуть, находилась на окраине Айнса, а это больше двадцати миль до того речного порта, где могильщик снимал место на плоту.

– Нет.

Собака клацнула зубами, не обращая внимания на болтающийся язык. Кровь хлынула с новой силой.

«Тогда займись делом. Он выживет».

– Дело, дело... – проворчал тот, кто назывался Кронле. – Можно мне уже спокойно сдохнуть и вернуться назад?

Собака не ответила, она уже лежала на боку, не подавая никаких признаков жизни. Под тощим телом растекалась лужа крови.

– Везёт же кому-то. Тогда пойду. Но, пожалуй, сначала ещё немного отдохну.

Тот, кто уже почти год назывался Кронле, закрыл глаза, и никто не смог бы отличить его от трупа.

Глава 2

Орудия Неназываемого

Они по очереди поднимались на осклизлый от моросящего дождя причал – торговцы, пилигримы, батраки да пара затесавшихся в их ряды проповедников Единого. Мерзкая погода держалась уже третий день, и плот покачивался на небольшой речной волне. Шедший впереди Греста пилигрим – сварливый дед с длинной седой бородой – шагнул на причал как раз в тот момент, когда плот вместе с волной пошёл вниз, запнулся и повалился на склизкое дерево. Раздался всплеск злобной ругани, произнесённой скрипучим голосом, порядком надоевшим воришке ещё во время дороги.

– Осторожней, мать вашу! – рыкнул владелец плота. – Не задерживайте очередь!

Грест втянул голову в плечи и шагнул в сторону от стоящего на ободранных коленях деда. Шедший следом Велион одним рывком поставил пилигрима на ноги.

– Осторожней, отец, – тихо сказал он.

В ответ раздалась вторая порция ругани, посвящённая ублюдочной дождливой погоде, траханым плотам, сраным причалам и гнойным мудакам, которые не умеют строить ни плоты, ни причалы. Грест, наслушавшийся за свою недолгую жизнь всякого, всё же решил оставить пилигрима как можно дальше за спиной. К тому же, Велион, помогший деду подняться, не задерживаясь, шёл в сторону посёлка.

Грест, в общем-то, знал его меньше двух недель, как и всех остальных, с кем ему пришлось сплавляться на плоту сюда, практически к самому Ядовитому Морю. Но почему-то бывший карманник, а ныне беглец, решил пойти следом именно за ним. Возможно, дело в том, что Велион единственный, кто помог старику, да и вообще производил впечатление нормального мужика. Он, наверное, был один из двух или трёх человек, кто ни разу не поругался с другими из-за места для ночёвки или еды.

Может, он займёт Гресту пару монет? Все свои деньги беглец потратил на дорогу сюда, окраину мира. Этот же мужик выглядел состоятельным – новая одежда, спокойствие, с которым он расстался пару дней назад с проигрышем целых шести грошей в кости.

Карманник заторопился за угрюмой чёрной фигурой в широкополой шляпе. Деревянный причал, как и водится, заканчивался через полдюжины шагов, а за ним сразу начиналась грязь, которую сегодня размесили уже десятки ног. Слева торговали рыбой, её удушающая вонь, должно быть, распространялась на десятки миль кругом. Посёлок с названием Последний Причал наверняка провонял ей насквозь.

– Велион, дружище, – пробормотал Грест, ровняясь с черноволосым, – ты бы не занял мне медяк? Когда найду работу, я тебе всё отдам!

«Интересно, чем он занимается?» – подумал Грест. Рюкзак за плечами у него немаленький, но бродячие торговцы обычно увешивались своими товарами с ног до головы. Может, наёмник? Но в этих местах наёмники не нужны. Да и не сильно похож, у наёмников их профессия читалась на лице.

Велион через плечо глянул на Греста, и тот почти сразу пожалел о своей просьбе. Бывший карманник, вращающийся всю свою жизнь в криминальных кругах Ариланты, пару раз видел подобный взгляд. И те люди были последними, у кого он хотел бы занять. Наёмные убийцы. Грест вспомнил, как один из них посмотрел на него, словно определял, какую сумму взял бы за его убийство. И Грест, очень и очень дороживший своей шкурой, понимал –

сумма эта невелика. Велион, видимо, сделал такой же вывод.

– С чего ты решил, что я буду сидеть в этой дыре и ждать, пока ты найдёшь работу? – фыркнул он.

Макушка Греста едва доставала Велиону до плеча, и воришке казалось, будто он ребёнок, клянчащий у отца пряник. Но отступать уже некуда, да и грызущее чувство в желудке немного притупляло страх. В конце концов, пара медяков всё же явно слишком маленькая цена за его жизнь. Особенно, если вспомнить, сколько он задолжал...

– А куда ты отсюда пойдёшь? Это Последний Причал, дальше идти некуда. Если только утопиться в Ядовитом Море решил.

– И то верно, – усмехнулся Велион. – Ладно, я покормлю тебя, но только сегодня.

– Отдам деньги сразу...

– Не нужно, сейчас у меня нет острой нужды в деньгах. – Черноволосый приостановился, оглядывая жалкие лачуги, идущие вдоль берега Крейны. – Только где в этом клоповнике найти харчевню?

– За посёлком, – послышался позади знакомый голос. Жрец Единого, придерживая полы плаща, брёл по грязи, а его ученик семенил следом, ровно как Грест за Велионом. – Там дорога, если это можно так назвать, и харчевня. Не бог весть что, но сейчас подойдёт любая горячая еда. Пойдёмте вместе. Так сказать, продолжим наше совместное путешествие.

– Веди, жрец, – кивнул Велион. – И раз уж ты здесь не в первый раз, то показывай дорогу почище.

– В посёлке грязи будет ещё больше, – уныло сказал ученик.

– Увы, – кивнул жрец.

Посёлок был большим, где-то на полсотни домов. У берега жили рыбаки да крестьяне, но дальше стоял десяток вполне приличных усадеб, огороженных высокими заборами.

– Купцы, – скупно пояснил жрец.

– С рыбой торгуют? – хмыкнул Грест.

– Нет, с южанами. Находятся смельчаки, способные переплыть Ядовитое Море. Долгое время думали, будто всё население Островов Щита погибло во время войны, но лет двадцать назад оказалось, что кое-кто выжил.

– И чем же они торгуют?

– Я в мирские дела не вникаю, мой любопытный друг. Не спрашиваю же я, откуда у тебя появилась татуировка на правом плече, хоть ты её и скрываешь? Я не слишком-то разбираюсь во всех этих делах, но если ты продолжишь разбой...

– Он карманник, – поправил Велион жреца.

– А то я думаю, что мелковат он для разбойника. Так вот, если продолжишь своё грязное дело в этих местах, я пожелаю для тебя только скорейшего наказания. К тому же, здесь нравы более крутые, чем на севере, и после поимки отрубленным указательным пальцем не отделаешься. Так что я бы не сказал тебе, чем они торгуют, и у кого дела идут лучше, чем у других, даже если бы знал.

– Я пришёл сюда, чтобы начать новую жизнь, – сумрачно сказал Грест.

Так оно, в общем-то, и было. Уж слишком много он задолжал одному из столичных бонз, и выбор у него остался только один – или со сломанной шеей сгнить в канаве, или попробовать бежать. То есть, никакого выбора не было.

– А вот это отличное решение, – кивнул жрец. – Ещё советую сделать пожертвование в ближайшем храме Единого, дабы он простил тебе старые проступки. Храм, правда, в десяти

милях на северо-восток отсюда... но для благого дела это не расстояние. Как видишь, я же здесь, несу слово Единому людям, а я преодолел гораздо больше десяти миль за последнее время. Помни, когда начинаешь новое дело, заручиться покровительством бога – один из важнейших способов добиться успеха. Не забывай о боге, и бог не бросит тебя никогда, неважно – Единый это или одна из его ипостасей.

– Так и сделаю, – мрачно сказал Грест, в этот момент даже веря своим словам.

Вообще-то, Единому он раньше не молился, но сейчас Одноглазый, покровитель шутов, шулеров и прочих пройдох, вряд ли будет ему покровительствовать.

До харчевни четвёрка путников добралась через четверть часа. Всю дорогу старший жрец разглагольствовал о том, как не приученному к труду Гресту будет тяжело, но отчаиваться не стоит, ведь тяжёлый труд – благо для человека. Грест работать не умел и не любил – это факт, и раньше он как-то не задумывался о том, чем будет заниматься. Убегу на край света и найду работу – раньше его план звучал примерно так. Но сейчас бывший карманник чётко осознал, что ему не хочется идти ни в батраки, ни в рыбаки, а других занятий здесь для него как будто бы и нет.

От мрачных мыслей его отвлек запах густой рыбной похлёбки и свежеспеченного хлеба. Харчевня хоть и была небольшой – один этаж и два помещения, одним из которых была кухня – но далеко не самой паршивой из виденных Грестом за его недолгую жизнь.

– Не так уж и плохо, – кивнул Велион, усаживаясь за один из свободных столов.

Грест уселся рядом, жрецы – напротив.

– Две скамьи да бочка, к которой приколотили доски, чего ж тут хорошего? – печально спросил жрец. – Кстати, господа, не знаю ваших имён, как, должно быть и вы моего. Я Венле, а это мой помощник и спутник Кайвен, очень приятно. Предлагаю разделить обед и развлечься беседой, так как других развлечений здесь всё равно нет.

Венле говорил в полный голос, кто-то из местных забулдыг заворчал что-то нелicenseприятное в его сторону, однако дальше ворчания дело не пошло – со жрецом явно связываться никто не будет.

Служанка, убедившись в платёжеспособности незнакомцев, принесла им котелок с рыбной похлёбкой, две ковриги хлеба и большой ломоть сыра. Велион расщедрился на кувшин пива для всех, после чего Кайвен и Грест повеселели.

– Что ж, – заговорил Венле, прожёвывая большой кусок варёной шуки, – я с учеником несу в эти места правду о Едином, молодой Грест хочет начать новую жизнь, а что привело сюда тебя, Велион? Если это не тайна, конечно.

Черноволосый усмехнулся.

– Какие тайны могут быть у простого человека? Я торговец антиквариатом.

Грест поёрзал на своей скамье. Торговцами антиквариатом обычно называли себя барыги, торгующие с могильщиками. Воришка знал парочку таких, и это были не самые приятные люди. Возможно, его взгляд убийцы – всего лишь профессиональная привычка. Сам Грест с могильщиками дел никогда не имел, но, по слухам, они люди ещё более неприятные, чем барыги, которым они продавали награбленное в мёртвых городах. И это если не вспоминать о том, что все они давным-давно прокляты предками, чьи кости тревожат.

– Торгуешь с могильщиками? – неодобрительно проговорил жрец.

– Как-то приходится зарабатывать на жизнь.

– Здесь не бывает могильщиков, – сказал Кайвен, впервые за трапезу отвлекшись от

еды. – Богатый могильник в этих краях только один – Имп. А оттуда, говорят, никто никогда не возвращался.

– Я тоже об этом слышал, – кивнул Велион, с любопытством разглядывая молодого жреца. – Но слухи порой лживы.

– Не в этом случае, – покачал головой Кайвен. – Мне можете поверить.

– Кайвен был могильщиком, – пояснил Венле, – но я и вера в Единого заставили сойти с опасного пути.

– И я благодарен за это, – прошептал молодой жрец. – Нет ничего более мерзкого, чем могильщики. Они отродья тьмы, отрыжка мёртвых богов, посланники болезней и смерти.

Торговец антиквариатом усмехнулся:

– Неужели? И сколько болезней ты наслал в свою бытность могильщиком?

– Нисколько, к счастью. Я не успел. Но... то безумие, которое охватывало меня вблизи мёртвых городов... или в те дни, когда я был далеко от них... – бывший могильщик затрясся и замолчал, не в силах больше произнести ни слова.

Старший жрец успокаивающе положил руку на локоть Кайвена.

– Не вспоминай те дни, брат, ты давно излечился. – Он перевёл строгий взгляд на Велиона: – Я стараюсь не судить людей за их поступки, но на твоём месте я бы отказался от любых дел с выродками-могильщиками. Рано или поздно эти демоны утащат и тебя за собой: насильно наденут на твои руки перчатки, как это было с Кайвеном, и заставят бродить по мёртвым городам или принесут в жертву своему проклятому богу.

Грест охнул. Он, конечно, многое слышал, но чтобы такое...

– Неужели всё так плохо? – спросил он.

– Слухи порой лживы, – сказал жрец, – но не в случае с могильщиками. Их появление – грех по отношению к самой жизни. Они скитаются по всему свету, выискивая новых адептов, разрушая жизни людей и насылая на них проклятия, а торговцы, скупающие у них добро, украденное у наших мёртвых предков, помогают им... – Венле осёкся, – ...пусть и не имея никаких дурных мыслей и мотивов.

Велиона на первый взгляд все эти слова ни капли не задели.

– Я всего лишь торговец, – пожал он плечами. – Купил, перепродал, посчитал прибыль или убыль.

– И всё равно я бы рекомендовал тебе бросить любые дела с ними, – с печальным вздохом проговорил старший жрец. Он обвёл всех присутствующих в таверне. – И мои слова относятся к каждому. Когда-нибудь эти проклятые посланники Неназванного пробудят зло, спящее в мёртвых городах, и начнётся вторая великая Война, которая станет последней для человечества.

Всем было плевать на слова жреца. Кроме Греста.

– О чём ты? – с ужасом спросил он.

– Есть старая легенда о происхождении могильщиков, – прошептал Кайвен трясущимися губами.

Молодой жрец уже давно забыл и про еду, и про выпивку, но упоминание о Неназываемом повергло его в благоговейный ужас. Венле неодобрительно посмотрел на своего ученика.

– И ты должен рассказывать её всем после моей проповеди, – сказал он, – а не трястись при одном упоминании о Неназываемом. Единый защитит тебя, даже когда ты не за стенами его храма, я говорил об этом не раз. Ты обязан посвятить всех, кого встретишь, в эту

страшную правду. Могильщиков и так не любят, но мы должны вызвать праведную ненависть по отношению к ним. Иначе зло, пробуждённое ими, рано или поздно вырвется.

– Я слышал легенду, о которой вы говорите, от одного из могильщиков, – сказал Велион, допивая своё пиво и жестом подзывая служанку, – и не помню ничего ни о древнем зле из мёртвых городов, ни о Неназываемом.

– Могильщики по натуре своей лживы и рассказывают не всё. Кайвен, ты пришёл в чувства? У тебя появилась возможность наставить на правильный путь одного из тех, кто связан с этими тварями.

– И потренировать речь, – усмехнулся торговец антиквариатом.

– И это тоже.

Кайвен тяжело перевёл дыхание и затравленно осмотрел всех сидящих за столом. Видимо, в нём боролись страх перед Неназванным и наставником.

– Выпей для храбрости, – благодушно предложил Велион, кивая в сторону второго кувшина.

Воспользовавшись предложением, молодой жрец ещё раз тяжело перевёл дыхание и, наконец, заговорил:

– После Великой Войны, когда люди смогли вспахать поля и посеять первый урожай, взгляды многих устремились к погибшим в Войне городам. Некоторые беженцы из городов, алчущие былых богатств, захотели вернуть себе утерянное и поживиться за счёт погибших. Пока крестьяне возвращались к привычной жизни, а большинство трезво мыслящих беженцев принялись отстраивать новые города взамен старых, эти люди строили планы быстреего обогащения...

– С тех пор ничего не поменялось, – буркнул немного опьяневший Грест. – Но иногда тебе просто нечего жрать, у тебя нет ни семьи, ни друзей, и ты идёшь грабить, чтобы не сдохнуть. И поверьте, мёртвым, в отличие от живых, плевать, когда ты снимаешь с них сапоги.

– Очень точное наблюдение, – ухмыльнулся Велион. – Но не будем мешать нашему рассказчику. Продолжай, Кайвен.

Жрец несколько раз нервно моргнул и, облизав губы, продолжил рассказ:

– Эти алчные люди сколотили целые ватаги и потянулись к мёртвым городам. Но назад вернулись лишь единицы, и единственной их наживой была весть – боги прокляли старые города. Любая попытка взять что-то ценное на руинах или ограбить погибшего заканчивалась немедленной смертью для мародёра. В Войне боги покарали людей за их грехи и гордыню, однако, уважая память павших, защитили их тела от осквернения. Но не все грешники понесли наказание, и вскоре нашлись те, кто пошёл наперекор воле богов. Мародёры, что выжили в первом походе, собрали второй. Обманом и обещаниями заманили они на руины древних городов лишённых крова несчастных и голодающих, и падали те замертво от проклятий Богов, а мародёры собирали добычу. И так раз за разом они обманывали нищих и обездоленных, пока об их обмане не пошла молва. Мародёрам перестали доверять, и уже мало кто соглашался с ними сотрудничать. И всё же они продолжали своё греховное дело, и многие из них разбогатели. За привычку бродить по могилам предков они называли себя могильщиками, и не стало им места ни среди живых, ни среди мёртвых. Но боги видят всё. Гнев обуял их, когда они увидели, что творят эти грешники. Они прокляли каждого, кто бродил по мёртвым городам и осквернял мертвецов. Мародёры начали умирать один за другим от страшных болезней, разъедающих их плоть и

кости, и, что ещё хуже, душевных хворей. Те, кто, польстившись на деньги из могил, служил могильщикам или торговал с ними, тоже пали жертвой божественного проклятия. Люди, испугавшись, что проклятие богов может коснуться любого из них, изгнали могильщиков. И ничего не осталось изгнанникам, кроме как покаяться в своих грехах перед богами и просить прощения. Но это лишь разгневало богов сильнее, и те запретили могильщикам под страхом смерти заниматься любым делом, кроме разграбления погибших городов. Дорога к людям была закрыта. Могильщикам не осталось ничего, кроме как умирать с голоду у окраин осквернённых ими же городов. Болезнь, наконец, перестала убивать обречённых, выжили только самые крепкие и злобные могильщики, но и для них не осталось надежды – они не могли грабить мёртвые города без живого щита, идущего впереди них. Но боги просчитались. Думая, что могильщики просто передохнут с голоду или найдут свой конец на могильниках, они забыли про Неназываемого, бога-изгоя, лишившегося во время Войн всех своих почитателей. Неназываемый, чьё тело было человеческим, а голова в один день кошачьей, в другой – свиной, в третий – собачьей, и так без конца, пришёл к последним могильщикам. «Примите мой дар, – сказал он, – это перчатки, что я сделал из кожи, снятой с тел погибших на Войне, защитят вас от магии и любых проклятий, человеческих или божественных. Они даруют вам жизнь. Идите и грабьте мёртвые города, оскверняйте тела убитых и несите проклятые богатства людям, выменивая их на еду и кров для себя. Но за них я хочу, чтобы вы служили мне до конца своих дней. У вас нет детей, но взамен вы должны приводить ко мне чужих. Каждый, кто наденет такие перчатки, будет проклят богами и будет служить мне, пока не умрёт». Могильщики согласились, поклявшись в верности Неназываемому. И с тех пор могильщики разбрелись по всей земле...

– А зачем Неназываемому могильщики? – резко прервал своего ученика Венле.

Кайвен испуганно выпучил глаза и принялся открывать рот, как рыба. Через минуту стало понятно, что ответа от него не добиться – парня трясло, а лицо начало приобретать зеленоватый оттенок то ли от страха, то ли от тошноты.

– Вот так, учишь молодёжь, учишь, – вздохнул старший жрец. – Жаль, не взял с собой розги. Могильщики ищут для Неназываемого древнее хранилище, запечатанное богами. Оно находится в одном из мёртвых городов, и если снять с него магические печати, то весь мир охватит болезнь, схожая с той, которую боги послали на могильщиков и их приспешников. И тогда мир вновь погрязнет в войне.

Торговец антикваром цыкнул.

– Что ж, жрец, услышав твою версию легенды, я, пожалуй, больше не буду торговать с могильщиками. И, наверное, было бы неплохо сделать пожертвование в храм. Вы ведь туда и направляетесь?

– Конечно, – обрадованно закивал Венле. – Как же я рад, что на свете ещё так много людей, до которых можно достучаться!

В ответ Велион отсалютовал жрецу кружкой.

– Только один вопрос, – сказал он, когда все выпили, – Неназываемый ведь одна из ипостасей Единого?

– Любой бог – ипостась Единого. В том его и суть – он, как и человек, не идеален, и его могут обуревать то благие намеренья, то дурные. Но как человек борется со своими грехами, так и Единый желает, чтобы его дурные стороны были искоренены. И чем меньше слуг у Неназываемого, тем быстрее его смерть.

– За смерть Неназываемого нужно выпить, – кивнул Велион, вынимая из кошелья

серебряную монету. – Эти деньги я заработал, торгуя с нечестивцами, так почему бы не сделать жертву Единому, напоив его жрецов?

– Я только поддерживаю такие благие устремления.

Грест, которому вообще-то обещали только обед, хоть жрецом Единого и не был, тоже горячо закивал в знак одобрения. Лучше сидеть и не выделяться, пока никто не гонит.

– А что насчёт тебя, Грест? – спросил Венле. – Может, ты тоже решишь встать на праведный путь?

– А что я могу?

– Можешь помогать нам в дороге. И кто знает, может, в конце концов, станешь жрецом, несущим слово Единого народу.

Думал беглец недолго. Уж слишком ему не хотелось идти в рыбаки или батраки.

– Почему бы и нет?

– Тогда, – жрец поднял свою кружку, – выпьем за ваши спасённые души!

Когда принесли уже четвёртый кувшин, Грест наклонился к вставшему на путь истинный торговцу и прошептал:

– А что рассказывали тебе могильщики?

– Это всего лишь легенда, – отмахнулся тот, – да и то, как мы сегодня выяснили, лживая.

– И всё же?

Велион внимательно посмотрел на бывшего воришку, и его взгляд опять принадлежал убийце.

– Никакого Неназываемого не было. Мародёры сами прокладывали себе дорогу в города. Когда трупы погибших начали гнить, могильщики заразились от них чёрной хворью – кожа заболевших начинала чернеть и твердеть. И хотя чёрная хворь никого, кроме могильщиков, не заразила, их изгнали. Один из могильщиков, бывший кожевник, заполз в мёртвый город, надеясь умереть, наткнувшись на одно из проклятий, но обнаружил, что магия перестала на него действовать. Тогда он срезал со своего тела помертвевшую от проклятия кожу и сшил из неё перчатки, чтобы дать шанс спастись другим.

Грест немного помолчал.

– Вроде бы, поменялось немного, но... смысл как будто совсем другой.

– Так и есть. Каждый жонглирует словами, выдавая изгоев то за абсолютное зло, то за людей, у которых просто не осталось выбора. А чьи слова истинны, мы можем только гадать.

Воришка кивнул и уткнулся в кружку. Его всегда было легко заговорить. Иначе он не взялся бы за ту работу...

Неважно. Какое ему дело, были могильщики злом или просто пытающимися выжить несчастными? У него появился шанс не сдохнуть от голода по крайней мере ближайшие пару недель.

За это он и выпил.

* * *

Несмотря на вчерашнюю попойку, в дорогу они вышли рано утром, ещё до рассвета. Грест едва брёл в хвосте их небольшой группы и пытался не думать о тошноте и головной боли. Жрецы, особенно молодой, выглядели не лучше его, и только Велион казался достаточно бодрым. Вчера, пока Кайвен пытался повторить свою легенду подвыпившим

гостям таверны, торговец антиквариатом даже купил еды в дорогу и две верёвки. Если во время стоянки подвесить к верёвке колокольчики, то от неё будет какая-то польза – это всё, что запомнил Грест из вчерашнего разговора.

Кайвена вчера освистали и закидали помоями – местным плевать было на Единого, могильщиков и вообще на всё, кроме рыбы, строительного леса и выпивки. Может, поэтому на нём сегодня лица нет?

Это заметил не один Грест. Велион поравнялся с молодым жрецом и легонько ткнул его в плечо.

– Что, хреново?

– Угу, – промычал тот. – Трясёт... и голова... кружится...

– Да, парень, я слышал о подобном. Так бывает, когда долго не ходишь на могильники. Когда ты последний раз надевал перчатки?

– Весной. В апреле я пришёл в храм Единого и покаялся.

– Ты долго продержался. Но дальше, поверь мне, будет только хуже. Пока что у тебя кружится голова, ты чувствуешь сильную тошноту, настроение меняется каждые четверть часа, но больше всего тебя донимают приступы необъяснимого ужаса перед всем окружающим. Но ты пока не начал грызть костяшки пальцев, так что, пожалуй, пара месяцев у тебя ещё есть.

– Я излечился... – пробормотал молодой жрец, но даже Грест не поверил ему. – Я выбросил свои перчатки в выгребную яму, я молился. Проклятие больше не властно надо мной.

– Брехня. Ты протянул долго, дольше, чем многие, но тебя ждёт такой же конец, как и других идиотов, которые пытались выбросить свои перчатки. Ты начнёшь грызть свои ладони, до крови, до самого мяса, а потом тебя обуяет безумие, и ты бросишься в ближайший могильник, где без перчаток сдохнешь. Это проклятие богов, Кайвен, и ты – его жертва. Единый здесь не поможет.

– Что-то я не понимаю, откуда у тебя, друг Велион, такие познания... – начал было говорить Венле, останавливаясь, но короткий кривой клинок, вонзившийся ему под кадык, заткнул жреца Единого навсегда.

Жрец выпучил глаза, непонимающе глядя на антиквара, его руки вцепились в горло, пытаясь зажать рану. Велион же будто сбросил маску. Его лицо, раньше спокойное, даже умиротворённое, исказилось, выдавая его настоящие чувства – ненависть и злобу.

Грест, на несколько секунд замерший от неожиданности, охнул и отскочил назад, но взбесившийся Велион был занят Кайвеном. Он сбил молодого жреца с ног и пнул его в солнечное сплетение.

– Мразь, – прошипел торговец антиквариатом. – Гнида мелкая.

Нет. Не торговец. Могильщик. Грест понял это так же отчётливо, как и то, что он будет следующим. Но тело, скованное страхом, практически не слушалось его. Воришка пятился назад, пока не наткнулся на корень, торчащий из-под земли, и не упал. Заворожённо он смотрел, как могильщик нависает над Кайвеном, раскручивая в руках моток верёвки.

– Хрен с ним, это жрец, – говорил Велион, и его голос больше напоминал шипение змеи, – ему запудрили мозги. Но ты. Ты! Ты же могильщик. Бым им, по крайней мере. Возможно, встретить я тебя с год назад, мы вместе пошли бы грабить мёртвый город. И случись что с тобой, я бы вытащил тебя к людям, несмотря ни на что. Рисковал бы жизнью ради тебя. Возможно, даже перерезал бы кому-нибудь глотку. Но ты, очевидно, бросил бы меня, как

бросил всех наших братьев.

Могильщик замолчал на то время, пока перекидывал верёвку с готовым скользким узлом через ветвь ближайшего дерева.

– Пощади... – простонал Кайвен, пытаясь уползти, но Велион ещё раз жестоко пнул его в колено. – Я... меня... меня уговорили... я не хотел... я просто хотел избавиться от проклятия... но они просили... боги, я не хотел...

Могильщик сел рядом со жрецом на корточки и, вцепившись в волосы, оторвал его голову от земли.

– Да мне плевать, что ты хотел. Я вспоминаю одного парня, его звали Жёлтый. Он подцепил на могильнике какую-то хрень, и его кожа пожелтела, как желтеет после синяков. Безобидный парень, никто его не трогал. Как-то раз он неправильно снял проклятие с монет, лежащих на дне глиняного горшка, и горшок лопнул. Большой осколок попал Жёлтому в бедро, и он едва не истёк кровью. Я вытащил его из могильника и отнёс в деревню, чтобы он смог прийти в себя. Но после того, как в эту же деревню забрёл один из жрецов Красного Лекаря, Жёлтого убили. Жрец увидел неестественный цвет кожи моего друга, обличил в нём могильщика и обвинил парня в том, что он бродит по кладбищам и насилует трупы, чтобы проклясть живых, чего Жёлтый, конечно же, не делал. Но кому какое дело до правды? Мы попытались сбежать, но он ещё был слишком слаб из-за раны. Толпа крестьян разорвала Жёлтого на части, а я едва ноги унёс, слушая, как его убивают. Но убежал недалеко. Я хорошо знал те места и спрятался рядом с деревней. Через два дня я выследил этого жреца и убил, вскрыв плотку, как и твоему другу. Но то был жрец, он заблуждался, ему заморочили голову лжецы вроде вот этого Венле. А ты... ты – ёбанный предатель. Я больше всего на свете ненавижу предателей. Я могу простить заблуждающегося и подарить ему быструю смерть от клинка. Но ты... нет, парень, ты не заслужил нормальной смерти.

Велион накинул петлю на шею завывающему от страха жрецу. Кайвен начал вяло брыкаться, его лицо приобрело неестественный салатный оттенок. Но через пару секунд, когда петля затянулась, его кожа начала багроветь.

Могильщик отвернулся от жреца только в момент, когда его тело перестало дёргаться. И, конечно же, сразу увидел Греста.

– Я думал, ты сбежал, – ледяным голосом произнёс он, делая шаг в сторону бывшего воришки.

– Я... я...

Взгляд убийцы внимательно изучил Греста с ног до головы. Вопрос уже был не в цене жизни воришки, за неё сам Грест не дал бы и ломаную осьмушку гроша, а в том, стоит ли вообще марать руки. Думал Велион недолго. Он поднял с земли свой рюкзак, который отбросил на землю за секунду до того, как вонзил нож в горло жреца, и повернул на юг.

– Стань батраком, Грест. Это честная работа, за которую тебя никто не захочет убить.

Глава 3

Толика тепла

На шестой день пути Велиону начало казаться, будто он идёт по землям, куда вообще никогда не ступала нога человека.

С головного тракта, шедшего параллельно с Крейной, он свернул на четвёртый день, опасаясь тварей, которые могли обитать в реке или на её берегах. Может, они и выдумка, но могильщику хватило одной ночи, проведённой неподалёку от берега. Ночи, наполненной жуткими шёпотами, криками зверей – иногда узнаваемыми, иногда нет – и завыванием ветра, поднимающимся от фосфоресцирующих речных волн.

Велион провёл половину ночи, прижимаясь к костру и до боли в глазах вглядываясь в ночную тьму. Услышь он приближение существа, которое было бы хоть немногим крупнее лисицы, бросился бы наутёк, не разбирая дороги. Пару раз могильщик видел отблески маленьких глаз, висящих буквально в паре дюймов над землёй. Но животные, кем бы они ни были, не рискнули приближаться к костру. На рассвете Велион увидел неподалёку от кострища следы кошачьих лап, причём одна кошка имела два противостоящих когтя.

Тракт неплохо сохранился, и могильщику было жаль сворачивать с этой дороги – за первые три дня он прошёл добрых сорок пять миль из предстоящих семидесяти пяти. Притоки Крейны тоже не вызывали проблем – монументальные довоенные мосты, казалось, должны простоять ещё сотни лет. За завтраком он решил свернуть с тракта сразу после обеденного привала, вычислив по карте другую дорогу. Но прямо посреди завтрака ему пришлось сворачивать стоянку – с Крейны поднялся жёлтый зловонный туман. Испарения воняли дохлятиной и гниющей травой. Велион повернулся спиной к реке и как можно скорее пошёл прочь, жуя прямо на ходу, но туман становился всё гуще.

Почти сразу у него закружилась голова. Через четверть часа могильщика вывернуло. Второй приступ рвоты скрутил его почти сразу после первого и оказался куда сильнее – Велион упал на четвереньки, пока у него выворачивало желудок. Сердце яростно колотилось в груди, будто он пробежал пару миль. Справившись с тошнотой, могильщик с трудом поднялся на ноги и пошёл сквозь жёлтую толщу речных испарений, надеясь, что не потерял направление. В глазах время от времени темнело, да и сквозь туман было сложно что-то разглядеть, но, в конце концов, Велион добрёл до полосы тощих деревьев, которые, по его прикидкам, располагались в миле от тракта. Вцепившись в одну из искорёженных, практически чёрных сосен, могильщик закрыл глаза и принялся ждать. Стоило ему открыть их, как приступы тошноты и головокружения становились сильнее.

Так Велион простоял почти два часа, хотя туман к тому времени уже давно пропал. Когда могильщику, наконец, стало легче, он поковылял в выбранном направлении. К Крейне возвращаться он больше не собирался.

Найденная им на карте дорога оказалась обычным просёлком, который за долгие годы размыло дождём и затянуло травой. Местами дорога и вовсе исчезала, будто её и не было никогда, но направление движения всё равно угадывалось без особого труда.

В тот вечер Велион набрёл на разрушенный замок, утрумо нависший над обступившим его со всех сторон мрачным лесом. Могучие стены крепости зияли провалами, да и от внутренних построек остались лишь груды камней. Помня ту ночёвку в компании с Крагом и Кронле, могильщик решил в замок не соваться и разбить лагерь подальше. Вряд ли здесь

много путников, пригодных в пищу твари, подобной тому выползну, но из-за неприятных воспоминаний спокойно провести ночь в этом месте всё равно не получилось бы.

Лес, по которому брёл могильщик, был практически необитаемым – лишь редкие мелкие птицы иногда мелькали среди тощих веток, едва покрытых листвой. Зато под ногами лежало много сушняка, и путник не нуждался в топливе для костра. За вечер он наткнулся на две покинутые деревни, заросшие раkitником и боярышником. Рядом с одной Велион и заночевал, обнаружив серьёзную неприятность – часть припасов покрыла мелкая чёрная плесень. Причиной мог быть туман, заставший могильщика врасплох утром, а может, здесь всё быстро плесневело.

Пострадали по большей части сухари. Велион разложил припасы на плаще, а потом по очереди подержал над огнём покрытую плесенью пищу. То же он сделал с мешочком, в котором сухари хранились. Часть подпорченной еды могильщик съел сразу, часть отложил как можно дальше от не пострадавших запасов.

Еды у него оставалось на двадцать дней – двадцать с гаком фунтов солонины, сыра, сухарей, орехов, сушёных овощей и гороха. Если дорога будет идти так же удачно, он обернётся за две недели – гораздо раньше, чем планировал. Запас остаётся. Без сухарей, если они совсем пропадут, конечно, придётся туго – на них приходилась половина его пищи. Но на обратной дороге несколько дней можно протянуть и впроголодь, такое произойдёт с ним не в первый раз. И, как могильщик очень надеялся, не в последний.

Но как назло, со следующего дня начались новые проблемы.

Мелкие речушки, впадающие в Крейну, вздулись от паводка, часть вообще сменила русла, и карта, которую могильщику дал Левард, оказалась практически бесполезна – большая часть бродов либо стала непроходимой, либо вообще исчезла. Через первую реку брод всё же нашёлся. Чтобы преодолеть вторую, Велион час брёл вверх по течению, пока не наткнулся на чудом уцелевший каменный мост. Третью он миновал, перебравшись по почерневшему от времени тросу от паромной переправы: в трос вплели несколько кусков медной проволоки и наложили на них заклинание, не позволяющее пеньке истлеть за все эти годы.

В итоге до привала Велион преодолел всего пять миль по пути к Импу. Да семь за вчерашний день. Оставалось больше пятнадцати, но странник чувствовал: быстро он их не преодолеет.

Так и случилось – речушка, даже не удостоившаяся на карте имени, за семь десятков лет разрослась в приличный поток в полторы сотни футов шириной. Если через эту реку и строили какие-то мосты, то они сейчас находятся посреди русла. Понимая, что выбора нет, Велион свернул к тракту.

Когда-то эти места были густо заселены, но могильщику встречались лишь редкие каменные постройки – деревни, казалось, истлели до самого основания, только уцелевшие печи напоминали о том, что здесь кто-то жил. Костей тоже нигде не наблюдалось, да и магии Велион не замечал, хотя на всякий случай не снимал перчатки с самого начала пути.

Мост через реку всё же уцелел, но участок тракта перед ним – нет: землю давным-давно размыло, и плиты погрузились под воду. Когда до Крейны оставалось не больше полумили, могильщик увидел широкий и мрачный поток, здесь больше напоминающий морской залив, чем реку.

Благодаря дорожным плитам Велион мог оценить глубину реки, хотя вода и была мутной. До моста всего тридцать футов, и поток на первый взгляд не больше чем по колено.

Могильщик медленно побрёл вброд, ощупывая речное дно посохом, заранее сделанным из тонкого деревца.

Ничто не предвещало беды, до моста оставалась буквально пара шагов, но тут что-то твёрдое ударило могильщику в левую щиколотку. Ноги разъехались, и Велион упал на спину, на миг погрузившись в ледяную воду. Он вскочил уже через секунду, в два прыжка преодолев расстояние до моста. На первый взгляд, ничего страшного не произошло. Продукты, завернутые в промасленный пергамент, не должны промокнуть, да и погода стояла солнечной и достаточно тёплой, чтобы не простудиться после такого короткого купания. Но время, которое должно было уйти на дорогу, пришлось тратить на разведение костра и сушку вещей.

На стоянке выяснилось, что сухари в мешке хоть и не промокли, но искрошились в мелкую крошку, густо поросшую знакомой чёрной плесенью. Велион кое-как просеял их и сварил затируху из более или менее непопорченного остатка и куса солонины.

На шестой день жидкий лесок сменился густыми зарослями кустарника, перемежающимися безжизненными глиняными проплешинами. Даже отдельные следы пребывания человека исчезли. Мелкие птицы, копошащиеся в ветвях, совсем перестали напоминать хоть что-то знакомое – странные расцветки и узоры на перьях, гипертрофированные клювы, неестественно кривые лапки. Могильщик насчитал как минимум пять видов, хотя из-за явных уродств иногда сложно было сказать, являются две сидящие рядом птицы разными или нет.

Обеденную стоянку Велион запланировал у последнего притока Крейны, который ему предстояло пересечь. Это если верить карте, а она подводила его слишком часто. Но ничего другого не оставалось.

Могильщик брёл по очередному пустырю, угрюмо разглядывая унылый пейзаж, когда что-то зацепило его взгляд. Остановившись и вглядевшись в глиняную поверхность внимательней, он увидел человеческий след.

* * *

Дождя не было давно, так что сложно определить, прошёл здесь этот человек неделю назад или вчера, но явно не слишком давно. Неясно, как долго шёл Велион по следам – последний пустырь для разнообразия перемежался галькой, да и могильщик не слишком внимательно смотрел под ноги на этих участках пути. Очевидно, что всё же не так долго: свежее кострище могильщик вряд ли пропустил бы. Лишь одно можно сказать точно – следы вели в сторону Импа.

Открыв карту, он изучил ближайшую местность. В трёх милях на северо-запад должен располагаться большой храм, скорее всего, там много дорог. А вот брод, к которому шёл могильщик, единственный. Вероятно, человек, идущий впереди, пришёл сюда откуда-то с запада, либо они всё время шли параллельными курсами, даже не догадываясь друг о друге.

Спрятав карту, Велион ещё некоторое время разглядывал следы. Стопа меньше, чем у него. Либо это женщина, либо некрупный мужчина. Скорее всего, очередной могильщик, польстившийся на неизведанные богатства Импа. Лучше быть настороже и держать нож под рукой.

До брода он ещё дважды натёкался на следы, а на самом берегу реки нашёл кострище,

которому не могло быть больше двух дней – зола хоть и остыла, но её не успело разнести ветром.

Кострище Велион нашёл, а вот брода там никакого не оказалось – клятая река изменила русло, вильнув на добрые триста ярдов южнее. Дно понижалось слишком резко, чтобы надеяться перебраться через реку в этом месте. Пятьдесят футов ледяной воды отгородили могильщика от другого берега, и никаких мостов до самой Крейны или других бродов поблизости. Следы, как назло, тоже пропали.

Выругавшись, Велион побрёл вдоль берега в сторону тракта. Другого пути нет. Вероятно, другой могильщик пошёл этой же дорогой. Интересно, жив ли он? Может, он сейчас у стен Импа. Или бежит от них, сломя голову? Или его плоть уже начинает гнить среди развалин? В любом случае, Велион надеялся, что идущий впереди него ещё жив. Пусть даже их встреча может закончиться дракой, как это иногда бывало, когда один из могильщиков возвращался с руин с добычей, а второй только шёл на руины. Сам Велион не собирался нападать на прибархлившегося брата по цеху, но по его опыту некоторые коллеги, возвращающиеся из могильников с хабаром, бывали очень агрессивны и предпочитали нанести первый удар.

Тракт здесь отходил от устья Крейны уже на добрых полдюжины миль и шёл напрямик к Импу, стоящему на самом морском берегу. И даже этих шести миль может оказаться недостаточно, чтобы не вляпаться в тот туман или не наткнуться на какую-нибудь дрянь, вызванную разливами реки. По прямой до могильника оставалось всего семь миль, но будет ли дорога действительно прямой, неизвестно. Вряд ли, ведь чем ближе к городу, тем, скорее всего, страшнее разрушения.

Велион достиг цели ближе к закату. Мост, к счастью устоял, и река втиснула свои воды между арками, уже за мостом разливаясь вдвое шире, чем раньше. Всё гораздо проще, чем ожидалось.

Могильщик вышел на тракт и пошёл по ровным дорожным плитам. Без препятствий выбрался на мост. Никаких опасностей, туманов или русалок-людоедов, о которых рассказывали друг другу жители Последнего Причала в таверне. Если дорога сохранилась после войны, она простоит ещё сотни лет...

Правая нога ушла в пустоту. Велион инстинктивно всплеснул руками, тщетно пытаясь за что-то уцепиться, и рухнул с моста. Он едва не плашмя вошёл в ледяную воду. Здесь было неглубоко, и вытянутые руки с приличной силой врезались в дно. В этот же момент его потащило за собой течение.

Бешено молотя руками и ногами, могильщик вынырнул. Рюкзак, плащ, повисшая на завязках шляпа мешали ему, но куда им было до течения, сразу же сбившего его с ног. Второй раз Велион вынырнул уже за мостом, где речка разливалась вширь. Вода доставала до подбородка, течение сильно ослабло, но в этом месте до берега было добрых шестьдесят футов. Могильщик вернул едва не задушившую его завязками шляпу на место и побрёл к берегу, сплёвывая мерзкую горькую воду, сильно отдающую тухлятиной.

Выбравшись на берег, едва не ставший утопленником Велион оглянулся на мост. Стоит, никаких следов разрушения. Никаких дыр. Выругавшись, могильщик бегом бросился к тракту. С одежды ручьями стекала вода, его колотило от холода, зуб не попадал на зуб, и чтобы не прикусить язык, пришлось с силой сжать челюсть. Что с припасами – непонятно, и под рукой нет ни единой сухой ветки. К счастью, очередной храм находился всего в полумиле. Здание окружено какими-то зарослями, которые сгодятся в костёр, а тракт не пострадал во время войны, и дорога много времени не займёт.

Через минуту уже левая нога угодила в выбоину, и могильщик растянулся на неровной поверхности дороги. Поднявшись, он выругался во весь голос. Кажется, он понял, в чём дело. Ровная дорога и целый мост – лишь морок, иллюзия, причём, если никаких магических эманаций не видно, значит, источник этого морока не здесь. Вглядевшись, Велион увидел настоящую дорогу – местами выщербленную, но всё же довольно ровную. Значит, согреться на бегу не получится, придётся идти медленней, внимательно глядя под ноги. Скрючившись и скрестив руки на груди, могильщик поковылял к храму. Он успеет набрать дров и сложить костёр ещё засветло. Подмоченные припасы ещё какое-то время можно будет есть. Пока всё в порядке. Лишь бы добраться до убежища и обсушиться...

Кажется, дорога до храма заняла целую вечность. У могильщика зуб на зуб не попадал, когда он ввалился в пустой дверной проём. В нос ему ударил запах дыма и жареного сала.

– Как водичка? – раздался резкий женский голос. – Лучше не шевелись, у меня арбалет, и я хорошо стреляю.

– Верю, – просипел Велион.

Он поднял руки, как бы это ни было сложно из-за жестокой дрожи. Показать, что они пусты, было не главным. Главное, чтобы женщина, сидящая у костра, увидела чёрные перчатки, ведь рядом с ней лежала очень похожая пара.

– Знаешь, – медленно произнесла обладательница перчаток, так и не опустив арбалета, – я считаю, что могильщики – обычные люди, хотя люди, называющие себя обычными, так не считают. А это значит, ты можешь оказаться ворюгой, убийцей или насильником, а может, и всем вместе.

– Не думаю, что многое можно своровать у человека, который идёт в Имп, – дёрнул головой могильщик.

– И откуда ты знаешь, что я только иду в Имп, а не возвращаюсь?

– Я нашёл твои следы, им не больше двух дней. Ты бы не успела дойти до города и вернуться.

– А ты внимательный, – хмыкнула женщина. – Но убить могут и за пару грошей, которые валяются у меня в кармане. Или, например, за этот прекрасный обед из жареной свинины, сухарей и кипятка. А может, ты всё-таки насильник?

– Я не собираюсь тебя насиловать, – прошипел Велион. Если бы могильщица захотела его прогнать, то не стала бы с ним разговаривать. Так на кой хрен тянуть время? – Я могу добавить к твоему прекрасному обеду сушёных овощей. Только их нужно заново высушить, так же, как и мою одежду.

– Ох, ладно уж, иди сюда. Только оставь оружие у входа.

Велион трясущимися от холода руками снял ножны с пояса и не глядя выбросил их. Однако пока он медленно шагал к костру, могильщица продолжала в него целиться. Арбалет она опустила только, когда могильщик подошёл к костру и принялся сдирать с себя одежду.

– Вот, возьми. – Женщина протянула могильщику сухое одеяло.

Велион разложил одежду рядом с костром и открыл рюкзак. К счастью, он хорошо его зашнуровал, и воды внутрь проникло совсем немного. Но стоило развернуть один из свёртков, как в ноздри ударила тяжёлая едкая вонь, от которой засвербело в носу. Плесень поразила уже всю еду и, кажется, начала превращать её в самое себя. Могильщик выругался.

– Кажется, обойдёмся без мокрых сушёных овощей, а? – проворчала женщина, зажимая нос. – Выкинь это дерьмо подальше.

Велион выбросил все свёртки с едой на улицу, отойдя на добрую сотню шагов от храма.

Вернувшись к костру, он, наконец, протянул руки к огню и тяжело вдохнул, стараясь унять дрожь.

– Не время для купания? – усмехнулась женщина.

– Да.

– Говорят, рождённый для виселицы не утонет.

– Я схохну в могильнике, – буркнул могильщик.

– Думаешь, именно поэтому и выплыл?

– Думаю, да.

Пол-лица собеседницы закрывал капюшон, так что разглядеть её удалось только с близкого расстояния. Она оказалась довольно симпатичной, худощавой, но эта худощавость не переходила в измождённость. Лицо у девушки выглядело молодо, не больше, чем на двадцать пять лет, и в свисающих волосах почти не было видно седины.

Либо она достаточно успешна, либо только-только начала свои странствия. Скорее всего, второе – молодёжь часто суётся в такие могильники, которые предпочитают обходить даже бывалые и очень жадные до добычи могильщики. Обычно могильщик и становится бывалым благодаря тому, что в молодости не совал нос, куда не следует. Тех, что обожглись раз в местах, подобных Импу, и больше не пробовали, очень и очень мало. Их обычно можно отличить по жутким шрамам, незаживающим ранам и другим уродствам. Но каждый из них по праву считал, что ему в своё время повезло – другие, попавшие в подобные переделки, умерли.

– А ты прожжённый, – сказала могильщица после непродолжительного молчания.

– Что? – буркнул Велион, ёрзающий на месте, чтобы принять позу, максимально выгодную по отношению к костру и исходящему от него теплу.

– Шрамы на твоём теле. Часто не везло? Или, наоборот, был на волоске от смерти?

– И то, и другое.

– И пальцы длинные и тонкие, – продолжала женщина. – Говорят, с такими проще, чем с короткими. Как думаешь?

Велион пожал плечами.

– Главное – это то, что у тебя их десять, – продолжила говорить могильщица. – Это комплимент.

– Благодарю.

– А ты не разговорчивый.

– Сложно говорить, когда зуб на зуб не попадает.

– Точно. Ну ладно, молчи, если хочешь. Я – Элаги.

– Велион.

– Подожди, вода немного подогреется, и будем есть.

Велион действительно проголодался и устал, а холод высасывал из него последние силы.

– Уверена, ты упал с моста, – сказала Элаги, усмехаясь.

– Да. Проклятый морок.

– Мне говорили об этом. Я шла там днём, и мост выглядел, как должен был – правой половины нет от середины. Но пару часов назад он будто восстановился. К утру морок должен растаять.

– От кого ты это слышала?

– Я расспросила одного могильщика, который дошёл почти до стен Импа этим летом. Потом ему померещилось что-то очень нехорошее, и он драпанул назад.

– Все, кто ходил к Импу, говорят, что им мерещилось всякое, – кивнул Велион.

– Труссы, – фыркнула Элаги. – Такой же морок, как этот проклятый мост. Так, что там с моим супчиком?

Могильщица заглянула в котелок с водой, потом вытащила из лежащего рядом рюкзака оплетённую бутылку и кусок коричневого сахара. Когда Элаги откупорила бутылку, Велион учуял запах самогона. Женщина плеснула в котелок поряточно выпивки, зачем-то отправила туда часть сахара и как следует перемешала. Выждав какое-то время, она подцепила котелок палкой и поставила на пол. Велион молча вытащил из своего рюкзака деревянный, отделанный костью стакан.

– Красивая штучка, – заметила Элаги. – Давай сю... Ах, мать твою дери! – могильщица зашипела и затрясла обожжённой рукой. – Привыкла, что сама в последнее время в перчатках, а тут вот сняла. Дома-то я их почти не ношу...

Велион надел перчатки, пересел и принялся разливать грог по стаканам. Элаги, не обращая внимания на боль в обожженных пальцах, уже набивала рот кусками окорока и активно хрустела сухарями. Велион взял сухарь и начал его грызть, предварительно глотнув из стакана. Горячая жидкость прогрела его до самых пяток – самогона могильщица не жалела.

– Ешь нормально, – пробубнила Элаги. – Я что-то до хрена нажарила, наверное, предполагала, что ты придёшь. Судьба, а, могильщик?

Велион благодарно улыбнулся и последовал совету своей сотрапезницы: один сухарь только разжёт голод.

Наконец, Элаги сжевала последний кусок свинины и допила уже подостывшее варево из стакана. Могильщик, закончивший с едой раньше, раскладывал одежду так, чтобы она лучше сохла.

– Я, знаешь ли, поболтать люблю. И ты расплатишься со мной за ужин и сухое одеяло разговором.

– Согласен, – кивнул Велион. Он немного захмелел и, в конце концов, согрелся. – Не такой уж я и молчаливый. Удачный поход? – спросил он, кивнув в сторону бутылки с самогоном.

– Дорогая штучка, а? – усмехнулась Элаги. – Нет, прошлый мой поход был неудачным, едва ноги унесла. И не в проклятиях и прочей магии дело. Я была в Хельштене. Ещё на подходе на меня напали какие-то гады, нелюди. Такие невысокие, заросшие, клыкастые, похожи на здоровенных крыс, вставших на задние лапы. Видел таких?

– Нет. И слышу про них впервые.

– Хорошо, что у них оказались кривые и короткие лапы, – продолжала могильщица. – Так что я смогла сбежать, но не без потерь. – Девушка откинула с головы капюшон. Её правую скулу уродовал кривой шрам. – Камнем залепил, гадёныш. А откуда деньги на самогон? Я, знаешь ли, девочка домашняя, после каждого похода возвращаюсь домой, в Харм. Мой отец – купец. Не скажу, что он очень уж богат, но денег достаточно. А я его младшая дочь. Самая младшая и самая непутёвая. Когда мне было пятнадцать, и отец уже собирался подыскивать женихов, я встретила одного парня на пару лет старше себя. Женатого. Когда я забеременела, никому не сказала, думала, сама справлюсь с... В общем, всё сложилось неудачно, и детей с тех пор я иметь не могу. И как-то так получилось, что о нашей интрижке и её последствиях узнал весь город. Так что, когда я пару лет назад купила у нашей местной ведьмы перчатки, никто особо не горевал – наследство останется моему

старшему брату, а меня не надо выдавать замуж, значит, не надо лишаться приличного куска денег в качестве приданного. У купцов, знаешь ли, главное – это деньги, а мне всегда это не нравилось. Но папаша по-прежнему рад меня видеть: я рассказываю интересные байки, когда возвращаюсь домой. Ну а для меня корысть понятна – дома могу отдохнуть, взять немного денег и идти дальше. Вот такая история. А как у тебя?

Велион выдержал паузу. Элаги разоткровенничалась с ним, но он слишком не любил рассказывать о себе. Но... почему не сделать это здесь и сейчас? Женщинам не было места среди слуг Костлявой в Храме на Гнилых болотах. Им и знать-то про него не положено. Смерть – ревнивая сука, её слуги должны принадлежать только ей.

– Про своих родителей я знаю только то, что они умерли, когда мне было четыре года. Я едва не стал наёмным убийцей. Не знаю, чем я понравился Халки, но он вытащил меня из какой-то канавы и притащил в один проклятый храм. И у него почти вышло. Фехтовал я дерьмово, но хорошо резал глотки и очень быстро учился всяким наукам. Тогда из меня решили сделать скважечника. Знаешь, кто такие скважечники?

– Нет.

– Тихие убийцы. Я мог, скрючившись, лежать несколько часов в таких местах, где никто бы не подумал, что там может быть человек. Мог два дня сидеть под водой, дыша через тростинку.

– Дерьмовая работа, – оскалилась Элаги. – И скучная.

– Не совсем. Меня многому научили, в том числе актёрскому мастерству и этикету. Напяль на меня шёлк, и я сойду за благородного. А ещё могу сварить яд и незаметно подлить его в вино прямо во время разговора с хозяином бокала... В общем, я мог стать отличным скважечником. Но как-то раз, после одной очень хреновой работёнки, я решил – это не по мне. В сундуке учителя, того самого Халки, который привёл меня в замок, я нашёл чёрные перчатки. Не знаю, зачем они ему, он точно не был могильщиком. Но я в тот день долго не думал, просто их надел и побежал из храма так, как, наверное, не побегу уже никогда. И вот, двенадцать лет я брожу по мёртвым городам. Иногда успешно, иногда нет. Вот этот шрам с прошлого похода. Но пока я жив.

– Не самая весёлая и увлекательная история, – хмыкнула Элаги. – Хотя, могильщики обычно такие и рассказывают. Я что-то проголодалась от всех этих грустных историй молодости. Будешь ещё есть?

– Не откажусь.

Девушка принялась раздувать костёр, а Велион – нанизывать куски окорока на палочки. За этим занятием он оглядел помещение храма. Фактически, внутри не осталось ничего, кроме уродливой статуи в дальнем конце. Статуя изображала странное существо, прямоходящую химеру с трёхпалыми лапами и огромными ветвистыми рогами. Химера угрожающе скалила мелкие острые зубы, явно принадлежащие хищнику, а в красных треугольных глазах будто до сих пор горел злобный голод.

– Недоброму богу здесь молились.

– Сейчас он совершенно безопасен, – отмахнулась могильщица. – Статуя – такая же иллюзия, как и мост. Утром ты увидишь только груды камня. Я здесь сижу с трёх часов пополудни. До Импа четыре часа ходу, а я не хотела подходить к городу перед закатом. Именно к закату всем и начинает мерещиться всякое.

– Откуда знаешь?

– Сейчас расскажу.

Элаги откупорила бутылку и, улыбнувшись, понемногу плеснула в стаканы. Велион улыбнулся в ответ и глотнул самогона. Горло перехватило, из глаз брызнули слёзы. Тяжело дыша, могильщик принялся грызть сухарь. Его собеседница перенесла выпивку куда легче.

– Я, знаешь ли, говорила с одним из могильщиков, – сказала она, отдышавшись. – Бедняга уже после Импа остался без левой руки и потерял перчатку, так что он сейчас побирается. Но хочет вернуться сюда, чтобы погибнуть, так он сказал. Он рассказал мне, какой дорогой лучше идти в Имп, ещё об этом месте, и пояснил, как пролезть через стену в город. Сам-то он, как ты уже знаешь, дал дёру. Но я, знаешь ли, хочу пролезть в город. И не из-за сокровищ, нет. Мне просто любопытно, – она замолчала и плеснула в стаканы ещё выпивки.

Велион не стал распространяться о причинах, которые привели его сюда, но рассказал о том старике, Каштане. Они ещё раз поели, пару раз выпили, поболтали о могильниках. Кто где был, кого знал из «своих». Оказалось, общих знакомых у них нет – Элаги большую часть времени проводила в доме отца, а не на обочине дороги или во вшивом трактире, знакомиться с другими могильщиками ей было по большей части негде. Когда совсем стемнело, они начали готовиться ко сну.

Велион, порядком захмелевший, завернулся в просохший плащ и улёгся спиной к костру, чтобы не видеть, как ложится Элаги. Нет, он был совсем не прочь посмотреть, но это могло смутить могильщицу. Или, что ещё хуже, напугать.

Элаги шуршала довольно долго. Наконец, успокоилась. Велион закрыл глаза, намереваясь уснуть, но неожиданно услышал её голос:

– Велион...

– Что?

– Иди ко мне.

Он повернулся к ней. Обхватив себя руками, она стояла на коленях на своём плаще, в одних коротких нижних штанах. В тусклом свете костра Велион видел её стройное тело, плоский живот, тёмную впадинку пупка. Коротко стриженные волосы, даже не достигающие плеч, зачёсаны направо, чтобы он не видел шрам. Глаза Элаги поблескивали, дыхание было прерывистым. Она дрожала.

– Ну, мне, знаешь ли, холодно. Решил отомстить за то, как я тебя встретила?

Велион поднялся со своего плаща, шагнул к ней, обнял, чувствуя прикосновение небольшой груди. Он наклонил голову и поцеловал девушку в губы, шею, коснулся губами острого соска на правой груди.

– Я таких тощих дылд, как ты, знаешь ли, не люблю, – шептала Элаги на ухо Велиону. – И вообще не привыкла так вот сразу, только... – она застонала, крепче прижалась к нему, впиваясь пальцами в спину. – Но завтрашний день может стать...

Могильщик поцеловал её снова, заставляя замолчать.

* * *

Могильщик шёл по бесконечной равнине, покрытой прахом. Нашёл ли он какую-то дорогу? Или брёл навстречу смерти?

Ему не было дела.

Дул ветер. Ледяной, пронизывающий. Трепетали полы плаща, развевался шарф, но

могильщик не чувствовал холода. Что-то грело его.

На этой безжизненной равнине он нашёл крохотный огонёк, поделившийся с ним теплом.

* * *

Велион открыл глаза.

Всё ещё было темно. Настолько, что он не мог различить идола, стоящего всего лишь в дюжине шагов. Костёр уже погас, но, несмотря на то, что воздух ещё не начал греться под лучами солнца, могильщик чувствовал тепло. К нему прижималось тёплое тело Элаги.

Могильщик закрыл глаза.

Элаги... Девушка, которую он знает всего несколько часов. За эти несколько часов она стала ему настолько близкой, насколько потом станет чужой. Если они не погибнут сегодня, их дороги разойдутся, и так, поодиночке, они будут скитаться по этому миру, может, иногда вспоминая о существовании друг друга во время ночёвки в одиночестве. А потом погибнут, каждый в свой час и день. Но пока...

Он чувствует её тепло.

Глава 4

Ожившие воспоминания

Они двинулись в путь рано утром, позавтракав и ещё раз занявшись любовью. Перед уходом Элаги предложила оставить припасы на месте, а с собой взять только немного воды, несколько сухарей и пару кусков свинины, чтобы хватило пообедать, не больше.

– Кстати, – добавила могильщица, – в десяти милях на северо-запад я оставила схрон, небольшую тележку с припасами. Если ты...

– Не надо ничего такого говорить, – твёрдо сказал могильщик. – Мы обязательно вернёмся вместе.

– Знаешь ли, могут быть разные варианты, – усмехнулась Элаги. – Тележка стоит рядом с разрушенной стеной, которая торчит прямо посреди поля, мимо не пройдёшь.

Несмотря на то, что утро было пасмурным, через три часа после рассвета немного потеплело, задул тёплый ветерок, а ближе к полудню солнце наконец-то показалось из-за туч. Элаги сказала, будто это хороший знак, Велион молча кивнул, соглашаясь. Ещё через час небо окончательно расчистилось, стало тепло – настолько, насколько это возможно в конце сентября. Велион скинул плащ, а его спутница наполовину расшнуровала куртку.

Дорога становилась всё более разрушенной. Заросли странного, не похожего ни на что знакомое, кустарника становились всё выше и гуще, превращаясь в практически непроходимую колючую стену, плотно примыкающую к каменным плитам тракта и норовящую встиснуться между них. Солнце выманило наружу жителей зарослей – уродливые птицы, которых Велион видел вчера, появлялись всё чаще, а в корнях кустов начали мелькать жутковатые твари – ящерицы, больше смахивающие на рыб без чешуи. Размеры эти ящерицы были небольшого, но компенсировали его зубастыми пастями.

Птицы вяло охотились за рептилиями, хотя охота скорее напоминала драку – если двум-трём птицам удавалось убить одну из ящериц, они собирались кучкой у тельца и неторопливо его расклёвывали. Если же гибла одна из птиц, а другим не удалось забить клювами ползучего гада, то обедала ящерица – откусывала непропорционально большой, в полголовы, пастью от тушки большие куски и медленно их пережёвывала, тупо глядя выкаченными глазами в никуда. Но большая часть птиц охотой не занималась – уродцы садились на тонкие ветви кустарника и не по-птичьи умными взглядами провожали людей.

Других представителей местной живности видно не было, даже крыс, которые обычно неплохо чувствовали себя хоть на помойке, хоть на могильнике.

На привал остановились ближе к полудню, когда до Импа осталось не более часа ходьбы. Пообедали вяло, не съев даже половины из того, что взяли с собой. Помимо аппетита куда-то пропало и желание разговаривать. Всё больше росло беспокойство, появившееся у путников около часа назад.

Сначала Велиону показалось, что его беспокоят птицы. Потом – будто он опасается Импа. Да и до Крейны не так уж и далеко... В конце концов, воображение так разыгралось с его чувствами, что у него затряслись поджилки, а это с ним бывало нечасто. Возникло ощущение, будто кто-то упорно пытается залезть могильщику в голову. Чьё-то тяжёлое, давящее присутствие казалось всё более явным, в то же время не оставляя никаких сомнений – оно иллюзорно.

– Нечего рассиживаться, – сказал Велион, поняв, что уже минут пять тупо пялится в едва

тлеющий костёр.

Элаги не спорила, хотя по её виду было ясно: она ощущает это странное беспокойство не меньше, чем он. Могильщица подобрала полупустой рюкзак и полезла за перчатками. Велион угрюмо наблюдал за ней. Сначала Элаги надела левую перчатку. Это только первая половина ритуала, пока ничего не произошло. Но стоило коже правой ладони коснуться внутренней поверхности перчатки, как в человеке начались изменения. На висках на миг выступили жилы, кожа побледнела. В этот момент мир для Элаги на пару секунд выцвел, а после приобрёл невероятную чёткость, заиграл яркими красками. Но больше всего всегда менялись глаза. Сначала все сосуды налились кровью и практически сразу стали чёрными, а после чернота (такая, что не различить зрачка) разлилась по всему главному яблоку. Из-за этого многие могильщики не надевают перчатки на людях. Сам же Велион когда-то специально носил их, вообще не снимая, чтобы все знали, кто он. Как-то за это его закидали камнями и дерьмом, а он... Хотя, сейчас не время для грустных воспоминаний.

Элаги улыбнулась, ей как будто даже полегчало.

– Пошли, – кивнул Велион.

Последний час пути тянулся бесконечно долго. Казалось, будто двое могильщиков топчутся на месте, шагая по подсыхающей после ночного дождя дороге. Солнце зависло на небосклоне, птицы замерли на своих местах. Время остановилось.

И, замерев, казалось, окончательно, резко рвануло с места.

Заросли кустарника кончились так неожиданно, что Велион первые несколько секунд даже не понимал этого. Дорога оборвалась, как срезанная ножом, могильщики ступали по гладкой, выжженной магией глине. Но и она вскоре пропала. Всё вокруг покрывал туман, нет, не туман – зловонные испарения, хотя могильщик мог поклясться, что не чувствовал никакого запаха. Эти испарения лезли в рот, ноздри, цеплялись за одежду, застилали глаза. Велиону казалось, что у него нет ног – он не видел ничего ниже поясицы, туман закрывал всё, появлялось ощущение того, что тело само плывёт в этой белой каше.

Ощущение присутствия усилилось. При этом нечто заполонило собой каждый глоток воздуха. Оно практически приобрело вещественность – казалось, что над ухом пищит комар, под одежду залез паук, а во рту шевелится скользкий червь. Туман застилал глаза, закладывал уши. Это начинало сводить с ума.

– Велион, – прошептала Элаги, хватая могильщика за руку.

В её голосе сквозил ужас, настоящая паника, но Велион, слыша всё предельно чётко, слабо различал интонации, так, будто она говорила в подушку.

– Нормально, – прошепел он помертвевшими губами. – Это магия, а у нас есть перчатки. Это всего лишь иллюзия, ты сама говорила.

«Мои глаза... горят»...

Нет, такого с ними не произойдёт. Чудо, что они встретились с Элаги. Случись что с одним из них, другой вытащит пострадавшего. Сейчас в мире есть только два человека. Пусть они практически не знают друг друга, для Велиона нет никого ближе могильщицы, идущей справа от него.

Он сейчас жалел, что после долгих лет скитаний в одиночестве почти разучился говорить о своих чувствах. Могильщик попробовал выразить свою мысль Элаги, но она то ли его не слушала, то ли не понимала его слов, а может, он просто нёс какую-то чушь. Или, скорее всего, он так и не сказал вслух ни одного слова.

«Надо было оставить её в лагере, – мелькнула у него мысль. – Нет, она не согласилась

бы. Не зря она пошла сюда. А Имп не хуже и не лучше других мест, где сложили головы или сошли с ума десятки могильщиков прошлых лет. Быть может, достаточно дойти до окраины города и вернуться?».

Нет, не достаточно.

Велион продолжал шагать, сжимая руку Элаги. Но это прикосновение не дарило тепла – на их руках были перчатки, чья кожа сейчас стала непреодолимой преградой не только для магии, но и их чувств. Перчатки будто бы изгоняли его в тот мир, где помимо могильщика существовали только холод, одиночество и смутные воспоминания о погибших.

Как хотелось сейчас, да, прямо сейчас скинуть их, прижать к груди девушку, которую он знал меньше дня, почувствовать её тело, прикосновение тёплой и мягкой груди к своей коже, чтобы горячее дыхание касалось шеи, а его губы – её губ. Чувствовать, как бьётся её сердце. Чтобы она чувствовала его сердцебиение. На миг стать обычными людьми.

Но перчатки приросли к его рукам. Мёртвой хваткой сжали сердце, заморозили его, сделали холодными губы, а язык – деревянным. Эти перчатки управляли им, словно они были кукловодом, а он – куклой. Они жили сами по себе, дёргая за привязанные к нему верёвочки, а его тело шевелилось, даже не осознавая – им управляют. Проклятый разумный болванчик, который может мыслить, может понимать, что он не принадлежит сам себе. И от этого становилось ещё горше.

Ему оставалось только шагать.

Кожа иссохла и потрескалась. Он оглох и ослеп. Его сердце замерло в груди, а кровь превратилась в ртуть. Но могильщик продолжал идти.

Кто-то цеплялся за его правую руку, и он должен был вытащить их обоих из этого проклятого тумана. Даже если за пеленой, которая уже не понять – белая или абсолютно чёрная, лишь смерть.

* * *

Этого уже не должно было произойти, но разваливающаяся кладка городской стены проступила сквозь плотную пелену. Привычная картина разрушений отогнала страх, сняла напряжение, мир стал практически обычным. Полуразвалившаяся стена казалась спасением. Несмотря на то, что от этого спасения веяло могильным холодом.

Велион собрался, очнулся от навеянных туманом мыслей. Тело подчинялось только ему, каждый мускул, каждый нерв приготовился к тому, чтобы работать. Чувствовать кожей магию, уворачиваться от потоков энергии, разрывать пальцами змей. Или отшатнуться от обычного кирпича, который может свалиться на голову.

«Наверное, я старею», – подумал могильщик, вспоминая свои недавние мысли. Сердце уже почти не ныло, мысли об одиночестве и обречённости как обычно были задвинуты на самый дальний план.

Элаги тоже приободрилась, встряхнулась, из её глаз ушёл тот вселенский ужас, что плескался в них совсем недавно. Губы кривились в ухмылке, руки перестали дрожать, только лицо всё ещё оставалось неестественно бледным.

– Я же говорила, всего лишь морок, – дрожащим голосом произнесла могильщица. – В двух сотнях ярдов на восток можно пролезть в город, как раз про этот пролом мне говорил безрукий.

– Что ты видела? – тихо спросил Велион.

Элаги поёжилась, ухмылка сползла с её губ. Она всё ещё боялась. Но на лице читалась твёрдая решимость.

– Не твоё дело, могильщик.

Что ж, раз так... Велиону оставалось только кивнуть и пойти в указанном направлении.

Кому-то непереносимый ужас вселял огонь, кому-то – высота, кому-то – чудовища. Неужели он боится всего лишь одиночества и небытия?

Пролом в стене действительно имелся. Дыра начиналась на уровне пояса и доходила до самых зубцов, так, будто кто-то вырвал из кладки треугольный кусок. В проломе не рос мох, выступы не покрывал плющ, даже сухих нитей лишайника не было. Велион видел такое не в первый раз. Порой боевая магия убивает жизнь так, что та не может оправиться от удара даже спустя десятилетия. Но увиденное его сильно беспокоило – места, где нет никакой живности, были на редкость паскудными. Даже в Бергатте остались насекомые и крысы.

Могильщик заглянул в пролом. От магии – гроздьев змей и ярких печатей проклятий – так зарябило в глазах, что невольно пришлось опустить взгляд. Но и в непосредственной близости магии хватало. Кости, ржавые доспехи, груды камней искрились остатками боевых заклинаний. Когда-то здесь произошла настоящая мясорубка.

Велион кивнул Элаги и одним махом запрыгнул в проём. Толщина стены оказалась больше человеческого роста, но могильщик буквально кожей чувствовал – кладке вот-вот придёт конец. Пока, к счастью, одного человека недостаточно, чтобы она рухнула.

Прежде чем спрыгнуть со стены, Велион внимательно изучил место предполагаемого приземления. Груды костей, размытые дождём и разбросанные ветром. Он часто видел такое, но... не в таких количествах. И что-то ещё смущало его. Что-то...

К горлу подступил ещё один комок. Сначала могло показаться, что некоторые кости валяются беспорядочно, но если всмотреться, то можно понять: определённый порядок существовал. Отдельные группы костей лежали вместе – руки с грудной клеткой и несколькими позвонками, тазобедренная часть вместе с берцовой костью. И каждый из фрагментов имел идеально ровный срез.

Бойня.

Здесь произошла человеческая бойня. Людей согнали в кучу и забили, как свиней. Расчленили их тела после смерти? Или рубили ещё живых? Десятки людей, воющих и рыдающих, с отрубленными руками или ногами, пытающиеся отползти от закланья, кромсающего их на части... Без всяких сомнений, это сделала магия – никакой топор или меч не мог оставить настолько ровные срезы. А вот и зарубки на кладке – длинные и глубокие.

Стоило могильщику перевести взгляд чуть дальше, как он увидел ещё ворох скелетов. Многие из них напоминала костяки, лежащие под ногами, у некоторых не хватало только конечностей. Но большая часть костей всё-таки валялась беспорядочно – разорванные, раздробленные, обгоревшие.

Свободной энергии в городе было столько, что казалось, будто в лицо дует не сильный, но ровный ветер. Даже не обладающий никакими магическими способностями человек смог бы понять – сюда лучше не соваться.

– Ну, что там? – раздался позади неуверенный голос Элаги.

– Всё в порядке, – помедлив, произнёс Велион. – Можно заходить в город.

Могильщик выбрался из пролома, Элаги присоединилась к нему через пару секунд.

– Здесь есть что-нибудь ценное? – облизнув губы, спросила она.

– Нет. Только кости.

– Перчатки?

Велион вслушался в себя. Да, определённо, чуть дальше лежало несколько пар перчаток – он буквально чувствовал их. Дело то ли в обострившейся чувствительности, то ли в слишком большом количестве магии вокруг. Могильщик отчётливо ощущал их, и описать эти ощущения было одновременно и просто, и сложно. Как если бы он плыл в потоке прохладной воды, и в один момент попал в струю ледяной ключевой воды. Ещё присутствие перчаток можно сравнить с несколькими кляксами на чистом листе пергамента.

– Две или три пары, – медленно произнёс Велион. – Вон там. Но зачем тебе перчатки?

– Я сдаю их в ломбард, – усмехнулась Элаги.

Могильщик удивлённо приподнял правую бровь.

– Знаешь ли, так можно обманывать ростовщиков – они свято веруют в то, что могильщик вернётся за своими перчатками. Но перчатки-то не мои. Если сильно не жадничать, то за тобой никто в погоню не пойдёт. Да и редко когда могильщикам дают в заём крупные суммы. Однако, три или четыре гроша за пару – хороший прибыль, две-три недели прожить можно. Только не нужно ходить к одним и тем же перекупщикам.

Велион усмехнулся. Он как-то раз пытался выбросить свои перчатки. Вернулся за ними на следующий день – ощущения были хуже, чем после долгого перерыва между походами на могильники. Нужно взять уловку Элаги на вооружение.

У него тоже имелся один трюк, такой же простенький, но действенный – монета с наложенным на неё мощным проклятием, за обладание которым любой маг отвалит просто гору золота. Обмануть ростовщика – святое дело и идея, в принципе, неплохая. А несколько грошей – порядочные деньги, крестьянин со всей семьёй может жить на них больше месяца. Но крестьянину не нужно платить за постой в трактире, с него не дерут втридорога за еду.

Интересно, многие ли знают про этот обман? Вряд ли... Ростовщики обычно не любят распространяться о том, что их обманывают, а могильщики, проворачивающие такое, вряд ли станут делать это часто – всё-таки убить могут за любой обман, здесь дело даже не в деньгах. С другой стороны, могильщик, заложивший перчатки, пропал, и ростовщик мог решить, будто он погиб, так и не найдя денег. Да и в любом случае, могильщики обычно живут недолго, нет ничего удивительного, что он впервые слышит про этот трюк.

– Пойдём, – предложил Велион вслух.

– Сначала перчатки, – покачала головой Элаги. – Возможно, они будут единственным нашим заработком, уж слишком сильная здесь аура магии. Станется, мы ни хрена здесь не соберём.

Такое действительно могло произойти. Они разошлись искать перчатки.

* * *

Велион отдёргнул руку и выругался. Плотный комок змей скручивался и раскручивался. Одна нить заклинания, та, что секундой назад чуть не обвила могильщику руку, успокаивалась дольше всех, но и она, в конце концов, затихла. Могильщик тяжело выдохнул и поднялся с коленей. Нет, эти монеты ему не добыть.

Всё бесполезно. Слишком мощная магия буйствовала здесь десятилетия назад. Они с

Элаги уже прошли мимо шкатулки, наполненной золотом, мимо груд позолоченных подсвечников и тарелок, мимо валяющихся на земле украшений и нескольких кошельков. В том-то и основная проблема могильщиков – на самых ценных вещах самые сильные заклинания и проклятия. Когда-то здесь витало столько магии, что заклинания и проклятия плотным комком змей гнездились в предметах, валяющихся среди груд костей и обломков. Некоторые проклятия реагировали даже на приближение, не было и речи о том, чтобы пытаться их снять.

Кажется, три найденные пары перчаток на окраине города будут единственным хабаром. Да и перчаток они нашли как минимум в два раза больше, но подобраться к ним возможности не имелось никакой. Пятнадцать или двадцать грошей на двоих, меньше кроны на человека – невелика награда за то путешествие, которое они совершили. Если бы у Велиона не остались деньги после Бергатта, зимой пришлось бы сложить зубы на полку.

И, конечно же, никаких следов того самого послания, о котором говорил Урмеру. Возможно, оно где-то в центре могильника, но идти туда – чистой воды самоубийство.

Велион поднял голову, выскивая глазами солнце. Уже перевалило за полдень, они здесь не меньше трёх часов. Даже движение по Импу оказалось весьма нетривиальной задачей – могильщикам удалось пройти всего два квартала. Но на обратную дорогу уйдёт всего-то минут тридцать, не больше, так что можно порыскать по окраинам могильника ещё какое-то время. Или лучше не рисковать, мало ли, на что они напорются, если пойдут дальше? Если бы не опыт и умение Велиона, они бы не зашли так далеко в глубь города, даже ничего не трогая – Элаги пару раз чуть не лишилась жизни, сунувшись к проклятиям.

Впрочем, никаких сводящих с ума ужасов они не видели. Да, очень много магии, даже слишком, могильщики поопытней или, в их случае, поумнее даже не сунулись бы сюда. Никаких тварей, которые порой селятся в пустующих городах, тоже не обнаружилось, а порой именно они представляли наибольшую опасность. Обычные развалины – частично обрушившиеся дома, покрытая выбоинами мостовая. И – следы не то битвы, не то паники, не то бегства. Или и битвы, и паники, и бегства. Груды белеющих костей, как человеческих, так и животных, ошметки одежды, ржавое оружие и доспехи, разохшаяся утварь, телеги. Ничего сверхъестественного, если не считать тумана на подступах к городу. Неужели все эти слухи из-за него? Не может быть. Они прошли, с трудом, но прошли. Да и другие проходили дальше, иначе здесь не валялось бы столько перчаток.

Не мёртвая же тишина свела всех с ума? Казалось, будто в Имп не проникал даже ветер. Не видно ни крыс, ни мошкар, ни ящериц, короче – никаких обычных для могильников представителей фауны. Могильник не зарос ни кустарником, ни травой. Магия Импа убивала всю жизнь. Это смущало, внушало чувство опасности, но никакого вреда ведь от этого не было... пока.

И всё равно лучше уйти – они ничего здесь не найдут. Можно побродить вокруг городской стены и поискать другой вход. Может, там добыча будет богаче... или найдутся хотя бы намёки на то послание.

– Элаги, – произнёс Велион, оборачиваясь. – Пора...

Он не закончил.

Элаги, которая минуту назад вертелась в нескольких шагах позади около горстки украшений, стояла с широко раскрытыми глазами и побледневшим лицом. Её руки были свободны, значит, она никуда не вляпалась и не подхватила какую-то гадость. Или?..

Могильщик в два прыжка подлетел к ней, быстро осмотрел её и, ничего не обнаружив и

не почувствовав, непонимающе глянул в ту же сторону, куда смотрела могильщица.

Девчушка лет, наверное, девяти-десяти медленно брела по улице. Её левая рука была оторвана по плечо, половину тела покрывала копоть, а кожа с подбородка сорвана так сильно, что видно кость. Она брела, наступая прямо в сгустки чар, но те не причиняли ей вреда.

– Велион, – прошептала Элаги.

Велион молчал. Он вообще не понимал, как девочка с такими ранами всё ещё способна двигаться. Даже если они её подберут, то она наверняка не выживет... да и не надо ей жить после таких увечий.

Из-за поворота выскочил растрёпанный и израненный мужчина, судя по одежде, не из бедняков. В его руках был здоровенный рожон, изо рта стекла слюна, а на лице застыла гримаса, выражающая безумную нечеловеческую ненависть. Он в три прыжка догнал девочку и с размаху всадил кол ей в спину. Острие пробило тело навывлет. Девочка пошатнулась, но продолжала идти, хотя из её живота торчало острие рожна. Мужчина опрокинул её на землю, вырвал оружие и принялся наносить удары как дубиной, один за другим, по голове, по бокам, вбивая детское тельце в землю. Это длилось долго, очень долго. Всё вокруг было в крови, она брызгала в разные стороны, струилась по мостовой.

И всё это происходило без единого звука.

Наконец, мужчина остановился. Он постоял, сгорбившись, над тем, что когда-то было маленькой девочкой, а потом бросился вперёд, прямо на могильщиков.

– Велион!

Могильщик сбросил оцепенение, которое владело им всё это время. Выхватил нож, сделал три коротких шага вперёд, краем глаза глядя под ноги, чтобы не наступить в какую-нибудь гадость.

Мужчина с колом стремительно приближался. Велион двумя быстрыми движениями отвёл занесённый над головой рожон, хлестнул клинком безумца по горлу...

Хотел сделать это. Мужчина налетел на него... и пробежал сквозь. Велион, который даже не успел зажмуриться, тяжело вздохнул. Привидение. Вот уж никогда бы не поверил, что они существуют.

Могильщик повернулся назад. Элаги сидела на мостовой, обхватив голову руками. Мужчина исчез. Велион ещё раз перевёл дыхание и посмотрел в ту сторону, где лежало изуродованное тело девочки. Оно тоже исчезло. Вот только...

По улице брела девочка. У неё была оторвана левая рука, а половина тела покрыта копотью.

Велион почувствовал страх, даже не страх – животный ужас. Он с трудом удержался от того, чтобы броситься в бегство, которое, учитывая количество проклятий кругом, кончилось бы его смертью. Могильщик отвернулся: мужик с колом уже выбегал из подворотни.

Не просто так они видели иллюзии на подступах к Импу. Весь город и окрестности словно накрыты мороком. Возможно, это и есть то послание?

Велион вернулся к Элаги, с трудом поднял её на ноги. Девушку трясло, она тихонько всхлипывала, не отвечая на вопросы и не откликаясь на своё имя. Могильщик что-то шептал ей на ухо, рукой закрывал глаза, но она не успокаивалась. Надо было возвращаться, немедленно.

И в этот миг на него обрушилось то же чувство, что и на подходе к городу. Писк давил на мозг, от него сводило зубы. Казалось, его сущность начинает раздваиваться, раскалываться.

Велион зажал уши ладонями и зажмурился. Не помогло. Наверняка Элаги ещё хуже. Оставалось только схватить её за руку и тащить за собой к стене, уповая, что она хоть чуть-чуть осознаёт, где они и что происходит, и не вляпается в какое-нибудь проклятие.

Но даже вернуться по проложенному маршруту оказалось непросто. Улица, прежде пустая, заполнилась людьми. Нет, их было немного, человек двадцать, но...

Трое горожан в отрепьях, среди них девушка лет пятнадцати, распинали на позорном столбе молодого паренька в дорогой одежде. Парень беззвучно открывал рот, но даже если бы он оставался до сих пор жив, двое могильщиков мало бы что услышали – у него вырвали язык. Наконец, когда очередной штырь вошёл уже в лоб, жертва затихала, и всё начиналось с начала – пареньку, окровавленному, харкающему кровью, загибали руки за столб и начинали прибивать их к дереву острыми штырями.

Ещё двое избивали палками бородатого тощего старика в смешном колпаке.

А четверо...

– Не смотри, – шептал Велион. – Не смотри...

Женщина. Молодая красивая женщина в дорогом платье. С младенцем на руках она убегала от четырёх грязных мужиков. Но её догоняли.

Один пытался выдрать из её рук малыша, совсем грудничка, другие, повалив женщину на мостовую, уже начинали стаскивать с неё платье. После короткой борьбы мужику удалось вырвать младенца. Широко размахнувшись, он размозжил голову ребёнка о мостовую, а трое других уже сорвали с женщины платье, один пристраивался между её ног.

Велион тяжело дышал, едва переставляя ноги. Во рту у него пересохло до того, что это начало причинять боль. Каждый вдох, и без того дававшийся с огромным трудом, обжигал горло. Из ушей, казалось, вот-вот польётся кровь.

Элаги рыдала в голос, рвалась из его трясущихся рук, что-то кричала. Могильщик старался вслушаться в её крики, но не мог. Он отчётливо слышал каждое слово, но не понимал, не осознавал ни одного. Кажется, она просила отпустить её, шептала что-то о том, что кому-то надо помочь, что всё это надо остановить.

Велион долго не мог понять, о чём она вообще говорит. А поняв, вечность не мог вымолвить ни слова – глотку затыкал спазм, лёгкие будто заполнены горящим воздухом, который невозможно вытолкнуть из них, а слова... слова были удручающе бессмысленны.

– Это привидения, – буквально простонал Велион. – Морок. Иллюзия.

Девушка на миг замерла в его руках, он немного ослабил хватку, которая уже должна была причинять ей боль. И буквально через мгновение получил тяжелейший удар в пах. Могильщик отпустил руки, ноги подкосились, он упал на колени, широко раскрывая рот. Боль была ужасной, она занимала всю его сущность, на время уняв комариный писк, ставший за последние минуты оглушающим.

Могильщица закричала в голос. И рванулась вперёд.

– Нет! – закричала она. – Стойте!

Несколькими секундами раньше один из насильников свернул голову женщине, и сцена её убийства начала повторяться.

Могильщица бежала к ним, вытянув руки. Мужик размахнулся, чтобы разбить голову младенца.

– Нет... – выдавил Велион.

Поздно. Его охватило какое-то оцепенение, он будто бы не владел своим телом. Да и вообще осталось ли у него оно? Мир сузился до вернувшегося комариного писка, стоявшего

над ухом, и бегущей Элаги.

Могильщица, вытянув руки, прыгнула на мостовую. Она намеревалась смягчить удар, который стоил жизни младенцу, поймать его тельце перед самой мостовой. Но этот удар был совершён десятки лет назад...

Голова ребёнка прошла сквозь её руки, а больше Велион ничего не видел – жуткую сцену загородило тело Элаги. Она упала всем телом на мостовую...

Могильщик взвыл.

... как раз на то место, где лежала та злосчастная шкатулка с монетами, которую он пытался вскрыть за несколько минут до появления морока.

Раздался низкий протяжный звук. Вспышка света.

В лицо Велиону брызнула кровь, настоящая кровь, кровь человека, не призрака, в ноги что-то ткнулось. Могильщик перевёл взгляд вниз. Кисть Элаги. Чёрная перчатка даже не запачкалась кровью. Могильщик закричал ещё раз.

Глава 5

Рождение могильщика

– Нет, – сказал чей-то голос, – так дело не пойдёт. Нужно направить туда дополнительные силы.

– Дополнительные силы? Куда? Ты вообще можешь представить, что там сейчас произошло? Что могло привести к мгновенной потере связи с каждым из агентов? Может статься, Бергатт вообще перестал существовать.

– Потому-то нам и нужно направить туда хоть кого-то. Бергатт – важный центр, и потеря связи с ним может отрицательно сказаться на сборе...

... Пятеро оборванных и израненных магов гнали перед собой толпу – женщин, детей, стариков, около сотни человек. Мужчин среди них практически не встречалось – они давно уже погибли. Улица была завалена трупами, и люди с остекленевшими глазами запинались о них, но упорно продолжали шагать дальше. У дальнего конца толпе пришлось перебираться через полуразрушенную баррикаду. Единственным более или менее свободным местом остался участок рядом с городской стеной. Туда маги и пригнали толпу.

– Казнь! – визгливо проговорил один из магов. – Всем на казнь!

– Не валяй дурака, – резко оборвал его другой. – Это месть. За наших жён и детей. За наших сестёр и братьев.

– Заткнитесь оба, – буркнул третий, бережно держащий в руках комок света. – Все готовы?

– Все, – твёрдо произнесла единственная женщина в их компании.

– Все, – кивнул парнишка лет пятнадцати. У парня не хватало левого уха и части скальпа. – Лучше не жить вовсе, чем жить с таким грузом.

– Тогда...

Третий маг осторожно приблизил ладони к лицу и подул на светящийся комок. Через мгновение вспышка света осветила всю улицу. Между домами хлестали тончайшие нити, рассекающие всё, к чему прикасались. Изрубленные на куски тела и магов, и их жертв валялись на землю, кровь хлестала фонтанами, заливая нечаянному наблюдателю глаза...

... Старик лежал на смотровой площадке Башни Магов. Его лицо, покрытое обескровленными ранами, выражало лишь скорбь и усталость.

– Все должны запомнить, – сказал он кому-то. – Да, все... Убить их всех? Нет. Все должны помнить, что произошло за эти три дня. Чтобы подобное никогда не повторилось. Все должны помнить. И они, и мы...

... – Где ты? Аллия, ты слышишь меня, любимая? Где ты?..

... – Всех! Всех, блядь, уничтожу! Вы сдохнете, сдохнете, суки!..

... – Илленсии нет. Я вижу только красно-коричневое марево. Магии здесь столько, что я на расстоянии пяти миль чувствую её присутствие. Да, думаю, это Череп...

... – Думаешь, хватит?

– Нет. Но осталось совсем чуть-чуть. Завтра всё закончится, и мы сможем, наконец...

Велион визжал, скрюченными пальцами стараясь добраться до собственных ушных перепонок, причиняющих ему непереносимую боль. Если выдавить их, станет гораздо, гораздо легче. С его лица стекала кровь, и неясно, была ли это его кровь.

Перчатки оказались бесполезны: снять заклинание, обрушившееся на него, могильщик

не мог. Источник магии был слишком далеко, на самой вершине Башни Магов. Да и доберись Велион до него, он никогда не распутал бы такое сложное заклинание. Но эти мысли бродили где-то на самой периферии сознания, большая часть его сущности сейчас превратилась в непереносимую боль.

Один квартал. Всего лишь один квартал, и он свободен. Но...

Мимо прошёл человек, очередной маг. Он горел. Горела его одежда, лицо, волосы. Но он крепко сжимал в правой руке амулет в виде семиконечной звезды. Сделав свои последние шаги, маг повалился на землю.

Мимо прошёл человек, маг. Он горел...

Горящий человек шёл мимо...

Велион с трудом поднялся на ноги. Перед глазами плыло. Он не мог определить, куда ему нужно идти. Но это и не важно, главное – прочь отсюда.

Всего лишь сделать шаг. Один шаг. Оторвать ногу от земли...

Ноги подломились, могильщик рухнул на колени. Превозмогая чудовищную боль, он поднялся вновь. И вновь упал.

Казалось, что кто-то сдирает кожу с лица. Велион закрыл глаза и снова закричал, но даже не расслышал собственный голос.

Хотя, может, он стоял на коленях и разевал рот, как рыба.

Что-то было в его правой руке. Велион поднёс её к глазам. Перчатка. Чёрная перчатка, принадлежащая Элаги. Зачем он снял её? Когда сделал это?

Хотя, разве это важно?

Могильщик взвыл. Он сунул перчатку в рот и стиснул зубы так, будто пытался разгрызть чёрную кожу. Его челюсти хрустели от напряжения. Но он сумел подняться на ноги и пройти несколько шагов.

Призраки прошлого сновали по улице. Змеи извивались на кусках металла. Проклятия сверкали хаотичными лихорадочными огоньками всех цветов радуги. Человек без глаз стоял прямо напротив могильщика и разевал рот, в котором не осталось ни зубов, ни языка. Торчащие из его груди стрелы медленно проворачивались в ранах.

Морок. Всего лишь морок...

Мыча сквозь сжатую в зубах перчатку, Велион отмахнулся от призрака, и тот растаял.

Ещё несколько шагов. Могильщик даже не видел, куда он ступал. Каждый шаг мог стать последним. Но лучше умереть быстро, чем выдерживать эти муки...

Нет. Он должен жить.

– Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы...

Шаг, шаг, шаг. Яркие нити света хлещут по его лицу и груди, не причиняя вреда. Посреди улицы горел огромный костёр, в котором корчилось не меньше десятка человек, но могильщик прошёл сквозь него. Он миновал виселицу, через которую было перекинута полдюжины верёвок с крюками, на них болтались куски человеческих тел.

Челюсти занемели. Из ушей, кажется, текла кровь. Слезы лились из глаз, с подбородка капала пена. Но могильщик умудрялся идти, минуя проклятия. Он обхватил себя руками, изо всех сил сжав плечи. Он старался не смотреть по сторонам, только под ноги.

– Ты ведь чувствуешь нашу боль? – спросил у него кто-то. – Чувствуешь то, что чувствовали мы, когда нас убивали?

«Нет, – мысленно ответил могильщик, – только отголоски вашей боли».

– А их боль? Чувствуешь, какова была наша месть? Видишь, что сделали выжившие с

теми, кто убивал их семьи и друзей?

«Вижу».

– И что же ты об этом думаешь?

«Вижу, что все вы мертвы. Вижу, что вся эта кровь была пролита зря».

– Ты ведь чувствуешь нашу боль? Чувствуешь то, что...

Вот оно, послание, прошедшее сквозь десятки лет. Отголосок той трагедии. Нет никакого смысла разговаривать с призраком.

Велион буквально рухнул в разлом, ободрав лицо о разрушенную кладку. Несколько секунд он лежал, хрипя и завывая. Потом кое-как разжал пальцы и вытянул руки перед собой, стараясь найти, за что уцепиться. Его пальцы нашарили пару камней, торчащих из кладки, и могильщик втолкнул тело в щель в стене. Горящие глаза наконец-то можно закрыть, хотя облегчения это и не принесло.

Выбраться... выбраться...

Могильщик упал на землю по ту сторону городской стены. Открыв глаза, он увидел, что туман пропал. Перед его взглядом открылся пустырь, среди которого стояли почерневшие от времени мёртвые деревья, они отбрасывали уродливые тени в свете заходящего солнца. Сама земля была мёртвой грязью, будто впитавшей в себя боль умерших семьдесят лет назад людей. Здесь не осталось места ни жизни, ни даже звукам.

Но Велион жив. Он выплюнул перчатку Элаги и, вобрав полную грудь воздуха, закричал.

* * *

До храма могильщик добрался только под утро. В полутьме нашёл сумку могильщицы, вытащил оттуда бутылку самогона и надолго припал к горлышку. Когда выпивка кончилась, он выбросил бутылку и лёг на одеяло, ещё вчера принадлежащее Элаги.

Его колотило. Он чувствовал то непереносимый запах гари, то густой смрад разлагающейся плоти. Глаза горели, будто в них насыпали раскалённого битого стекла. Исцарапанную кожу стягивало так, словно кто-то зашивал каждый участок его тела. Визг продолжал сверлить уши.

Забутье – всё, о чём мечтал Велион.

Но он не мог забыться. Либо не мог отличить действительность от бредового сна и галлюцинаций. Картины прошлого появлялись перед его глазами, сменяя друг друга. Шокирующие своей жестокостью расправы над магами и месть самих магов обидчикам.

Кое-что встало на свои места. Обычные люди по какой-то причине решили устроить расправу над магами, а обладатели дара пытались защищаться и делали это не без успеха. Это происходило по всей Империи в один момент времени, так что не возникало ни толики сомнения – это спланированная акция. В боине задействовали имперские войска, причём неясно, на чью сторону они встали. Скорее всего, участвовали в боине с обеих сторон.

Поэтому погибли все крупные города – там всегда жило много магов. Потому большая часть деревень сохранилась. Отсюда и происхождение могильников – отбивающиеся от озверевшей толпы колдуны не стеснялись в средствах.

Что произошло в Бергатте? Акт самозащиты? Или жестокая кара посмевающим взбунтоваться?

Нет, нужно копать ещё глубже. Каковы были причины войны? Что подвигло обычных

людей на подобные зверства? Чем на самом деле занимались лорды и император? Как удалось скрыть причины бойни? Все эти вопросы останутся без ответа, если он, Велион, Чёрный могильщик, не придёт в себя и даст волю эмоциям. Не сдержит захлёстывающее его безумие. Не переживёт эти физические и душевные муки.

Велион поднялся с одеяла. Его вело от опьянения и усталости. Впрочем, он и так с трудом контролировал своё тело. Время уже перевалило за полдень, выходит, какое-то время он всё-таки провёл в забытьи.

Могильщик открыл рюкзак и вытащил все перчатки, которые нашёл в Импе. Их было семь, и одна из них принадлежала Элаги. Шесть он закопал рядом с храмом, седьмую отнёс подальше. Он долго сидел с сухими глазами, вглядываясь в черноту их кожи.

Возможно... если он снимет свои перчатки... он почувствует крупицу тепла Элаги. Но он не снимет перчатки.

Ножом могильщик вырыл небольшую ямку и положил в неё перчатку. У него не осталось ни слов, ни эмоций. Кажется, там, в Импе, он умер вместе с ней. Было бы лучше, если бы умер...

Велион ушёл к реке. Он тщательно вымылся в ледяной воде, после выстирал свою одежду. Ни капли крови Элаги не должно остаться ни на нём, ни на его одежде. Стирая плащ, он увидел, как разрушенный мост окутывает зыбкая дымка, а потом недостающие блоки появляются в воздухе.

Он не заслуживал той ночи. Ни одной из тех эмоций, что пережил рядом с Элаги. Того тепла, которым она поделилась с ним. Ни одной человеческой эмоции он не заслуживал и не заслужит никогда. Ни одна слеза горя не пробежит по его щеке.

Всё, что он должен делать – бродить по могильникам. Всё, чего заслуживает – грязной обочины у дороги, ведущей в очередной могильник, один из которых и станет для него, наконец, последним.

Потому что он могильщик.

А могильщики – не люди.

Он вернулся в храм уже почти трезвым. Почти переборовшим безумие. Практически справившимся с отголосками боли погибших семьдесят два года назад людей.

В храме горел костёр. Невысокая худоцавая фигура суежилась у огня, раскладывая вещи – одеяло, нож, кусок окорока. Котелок с водой уже висел над костром. Арбалет могильщица бросила небрежно, не рассчитывая им пользоваться.

Когда Элаги оставалась одна, она не закрывала лицо капюшоном. Перчаток могильщица тоже не носила. Она выглядела по-другому, немного не так, как запомнил Велион. Более открытой и незащитной. Но самое главное, находясь одна в десятках миль от ближайшей человеческой души, она не выглядела одинокой.

Наконец, закончив суету, она уселась на одеяло напротив костра, и огонь заплясал в её глазах. Выражение лица могильщицы было сосредоточенным, но если всмотреться, можно различить в глазах то мечтательное выражение, то лёгкую тревогу, то скуку.

Велион стоял по другую сторону костра и смотрел на неё, смотрел, смотрел... Рука, облачённая в перчатку, произвольно тянулась к девушке, но, будто очнувшись, он отдернул её.

Нельзя вмешиваться в жизнь призраков прошлого.

Ещё горше будет развеять эту иллюзию.

Могильщица напряглась, будто что-то услышав. Её глаза расширились от удивления,

губы шевельнулись. Взгляд быстро нашёл брошенный арбалет. Могильщица схватила оружие и, накинув капюшон, направила арбалет в сторону входа в храм.

Некоторое время она сидела неподвижно. А потом её губы зашевелились.

Велион развернулся. В проходе никого не было.

Никого.

А в эту секунду он мечтал о том, чтобы туда вошёл призрак черноволосого человека с угрюмым лицом. Чтобы с одежды этого призрака стекала вода, а его самого колотило от холода.

Это значило бы, что хотя бы его призрак на некоторое время почувствует себя живым.

Могильщик натянул мокрую одежду, взял рюкзак и пошёл прочь.

* * *

Жизнь Греста и раньше не стоила ломаной осьмушки гроша... Нет. Его жизнь не стоила даже выеденного яйца. Куска сгнившей верёвки. Корзины без дна.

Но сейчас он бы не дал за свою жизнь даже прошлогоднего снега.

Ограбив убитых жрецов Единого, он обогатился на полдюжины грошей. Жизнь начала казаться не такой уж и плохой – в конце концов, озверевший могильщик его не убил, и у него появились деньги на первое время. Возвращаться в Последний Причал не стал – это вызвало бы слишком много вопросов. Но все дороги куда-то ведут, поэтому приободрившийся бывший воришка уверенно зашагал на север.

На следующий день, оголодавший и уставший, Грест добрался до большого посёлка, который назывался Глаз Окуня. Ну, не то чтобы посёлок, а скорее местность, на которой то тут, то там были раскиданы когда отдельные рыбацкие хижины, когда кучки по два-три двора, а когда и целые деревни в семь-восемь дворов. Таверна в таком месте, конечно же, нашлась, и бывший воришка решил устроиться на первое время там.

В таверне он заказал такой обед, что хватило бы на двух Грестов, наметанным глазом определил служанку, которая за деньги согласилась не только принести обед и выпивку, но и постоять раком в конюшне, и уломал хозяина таверны немного скостить плату за постой, пообещав помогать по хозяйству. Первым пунктом был обед, вторым – служанка, а вот батрачить на кухне беглец вовсе не собирался. Он хотел рвать когти отсюда после первой же ночёвки.

Но хорошее расположение духа, охватившее Греста после еды и горячей любви со служанкой, беспрестанно покряхтывающей и спрашивающей, долго ли он там, нужно было обязательно подкрепить выпивкой. А какая выпивка без азартных игр? В карты здесь никто не играл, а вот в кости резались все, у кого имелся с собой хоть один медяк.

К ночи Грест подул все свои деньги и задолжал местному рыбаку семь грошей, за что был немедленно выброшен из таверны. Рыбак оказался не промах и заставил долг отрабатывать, а двое его крепких сыновей и троица не менее крепких друзей своими ухмылками давали понять, что за долги здесь ломают кости ничуть не менее охотно, чем в столице.

Так Грест стал рыбаком. На лодке одного из сыновей Шуки он ходил за рыбой, процеживая сетями, должно быть, каждый фут Крейны. Холод и голод преследовали бывшего воришку всё время. Только ночами, греясь у костерка в хлеву, он осознавал, что такое сухие

ноги, но назавтра вновь забывал об этом. Единственное, к чему он привык – рыба вонь, в какой-то момент он просто перестал её чувствовать. А вот омерзительная несолёная рыба похлёбка с овсом подобного привыкания не вызывала, каждый раз комком вставая в горле.

– Отработаешь два месяца и вали куда хочешь, – говорил Щука, но Грест ему не верил.

Во-первых, он очень плохо работал. Беглец понимал это сам, но и сын Щуки напоминал ему об этом каждую минуту, неважно, ходили ли они по воде, проверяли сети или выгружали рыбу на берегу. Во-вторых, Грест прекрасно знал – люди вроде Щуки никогда не держат слова, и два месяца могут превратиться в годы. Он видел, как подобное происходило с должниками, шлюхами или просто людьми, не способными за себя постоять. «Нет, ты ещё не отработал. Это я решаю, когда ты отработаешь, а не ты. Сдохнуть хочешь, засранец? Забыл, что ты мне ещё должен?» – все эти фразы Грест слышал не раз.

Да и, если вдруг Щука окажется честнее, чем ожидал новоиспечённый рыбак, и его отпустят после двух месяцев работы, куда идти? «Не торопись. Да, ты уже мне не должен, но куда ты пойдёшь без гроша в кармане? Поработай ещё пару месяцев, а я тебе хорошо заплачу», – эти фразы он тоже слышал не раз, и они были ничуть не лучше предыдущих.

Грест потерял счёт дням. Его нос болел от беспрестанно текущих соплей, руки покрылись кровавыми мозолями от сетей, сутками он мучился от жестокого поноса, вызванного отвратительной похлёбкой.

Но как-то сын Щуки обмолвился, где отец держит деньги. Всего-то нужно потушить камин в кухне, выгрести из него золу, выкопать яму глубиной в два фута, и там лежал свёрток с монетами. По словам рыбака, куча денег – больше трёх крон. Ну разве не гениальный тайник для семейных сбережений?

Эта информация не давала Гресту спать следующие три ночи. В конце концов, он решил идти на дело, прекрасно понимая: если его застукают – убьют, если поймают после побега – убьют, если хоть кто-то вообще узнает, что у него с собой такая куча денег, – убьют. Но смерть уже не казалась такой уж и плохой альтернативой.

До поры до времени.

Застукали его прямо в тот момент, когда он выгрел золу из камина. Нашли даже в дыму, который заполнил всю кухню из-за того, что он, вытаскивая на первый взгляд потухшие угли, случайно поджёг соломенную циновку.

Его избили. Били сильно, больно и долго. Грест уже собирался отходить в мир иной, когда Щука взял его за волосы и оторвал окровавленное лицо от пола.

– Ты так просто не отделаешься, – сказал рыбак. – Нет, тут никакой отработки не хватит. Плевать мне на долг, ты сдохнешь.

Теперь уже бывший рыбак закрыл глаза, надеясь, что сейчас к его ноге привяжут камень и отнесут к реке. Но у Щуки имелся другой план. Он не был бандитом, он считал себя честным человеком, и убивать должника по-тихому не собирался.

На следующий день Щука собрал всех местных рядом с большим дубом, растущим неподалёку от трактира. Грест стоял на коленях, и на его шею была накинута петля. Другой конец верёвки, перекинутой через толстый сук, находился в руках у того самого сына Щуки, с которым бывший воришка рыбачил.

– Этот чужак задолжал мне в кости, – негодовал Щука, размахивая руками, – но я предложил ему отработать долг. Я дал ему кров и еду, но он подло...

Грест не слушал. Его тело болело. Кровавые сопли стекали по верхней губе и подбородку, из глаз сочились слёзы. Он вспоминал всё хорошее, что случилось с ним в

жизни, и всё плохое. Плохого выходило больше.

Да и как по-другому могла сложиться жизнь сироты? Его дом вместе со всей семьей сгорел в пожаре. Он выжил, но оказался на улице. Он умер бы, если б Жёлтый не накормил его тогда. А накормив, дал понять – бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Жёлтый научил его воровать, но сама профессия городского карманника оказалась мышеловкой, в которой сыр неожиданно был платным. Он рос, и воровать кошельки становилось всё сложнее. Но он не сдавался.

Потом Грест влюбился. В шлюху, конечно, ведь других женщин он и не знал. В дорогую шлюху, которую Жёлтый подарил ему на семнадцатый день рождения, подшучивая, что Грест – единственный воришка в Ариланте, который знает точно, когда вообще этот день. И Грест, оказавшись в её постели один раз, спустил на неё все деньги, покупая её ласки в те дни, когда она была свободна от более состоятельных клиентов, что случалось нечасто. А когда деньги кончились, он занял. А потом занял ещё...

Сейчас он здесь и через минуту умрёт, задохнувшись в петле. Скорее всего, никто не будет душить его так же долго, как могильщик душил того жреца, но на быструю смерть от перелома шейных позвонков надеяться не приходилось. Единственное, что утешало – смерть от рук того бонзы была бы в разы дольше и мучительней.

Грест тихо заплакал, когда верёвка натянулась на его шее, и дышать стало тяжелее.

– Что здесь происходит? – раздался резкий каркающий голос.

Грест вздрогнул, поняв – этот голос ему знаком. Давление верёвки ослабилось, но он не рискнул открывать глаза: ему казалось, что могильщик пришёл сюда, чтобы убить его.

– Вешаем воришку, – зло сказал Щука. – Разве не видно?

– Прекрасно видно. Я знаю этого человека. Он снова взялся за своё?

– Если под «снова взялся за своё» подразумевается воровство, то да, снова взялся за своё.

– Сколько он украл?

Щука ответил не сразу. Даже галдящая толпа притихла.

– Нисколько, – процедил он после достаточно долгой паузы.

– В каком смысле – нисколько?

– Мы взяли его, когда он пытался меня ограбить, – огрызнулся рыбац.

– За попытку ограбления бьют, – резко проговорил могильщик, – что вы, как я вижу, уже сделали. За ограбление могут повесить, да и то только если человек ограбил короля, в противном случае ему просто отрубают палец. Разве ты король?

– Он должен мне, и мне решать, что с ним делать.

– Должен? Что ж, если вы забыли, каково это – быть людьми, и вешаете человека за преступление, которое он не совершал, я выкуплю долг этого человека, показав вам, что такое милосердие. Сколько он должен?

На миг Грест оживился. Но почти сразу понял – могильщик хочет убить его сам. Зачем ему тратить на это деньги, воришке было невдомёк, но ничего хорошего он не ждал.

– Десять грошей, – ответил Щука, явно оживившись.

Послышался звон монет, перекатывающихся в кошеле.

– Десять грошей. Я могу увести его?

– Идёт.

Чья-то грубая рука сняла с шеи Греста верёвку.

– Пошли.

Воришка поднялся с колен и, пошатываясь, побрёл вслед за чёрной фигурой.

Довольно долго они шли в полной тишине. Наконец, могильщик остановился и повернулся к Гресту. Бывший воришка и неудавшийся рыбак вновь увидел его оценивающий взгляд, отчётливо осознавая: десять грошей за его жизнь – это слишком много.

Могильщик почесал отрастающую бородку длинными обломанными ногтями, под которыми была грязь. Его щёки запали, а тёмно-синие круги под глазами больше походили на синяки.

Грест уныло смотрел могильщику в глаза, хотя раньше наверняка ступешался бы. Всё равно ему конец. Подспудно пришло понимание, что взгляд изменился... Нет, изменился не взгляд. Грест хорошо помнил – у черноволосого были серо-зелёные глаза. Сейчас же их цвет стал настолько тёмным, что едва можно различить зрачки.

– Зачем? – спросил он.

– Зачем я выкупил тебя? – спросил могильщик. – Убивать за попытку ограбления – зверство.

– Только ради этого? – фыркнул воришка.

Могильщик вместо ответа снял с плеч рюкзак и принялся в нём что-то искать.

– Наверное, я просто устал, что большинство людей, которых встречаю, умирают. Вот и выкупил твой долг и, стало быть, вместе с ним твою жизнь. – Он вытащил из рюкзака пару чёрных перчаток. – Знаешь, когда я похоронил перчатку Элаги, это было правильно. Я знал её, она многое мне дала и ещё больше забрала, когда погибла. Но эти трое... Что они мне сделали? Кто они для меня? Вообще, кто они такие? Простые могильщики, которых я, наверное, никогда и не видел. Я даже не знаю, когда они умерли. Так почему они заслужили покоя? Вот, держи, когда-то эти перчатки принадлежали могильщику. Тогда я пощадил тебя, сегодня спас. Но знаешь, в этой жизни есть только одна категория людей, ради которых я готов пошевелить хотя бы пальцем.

Могильщик протянул Гресту перчатки.

– Ты хотел начать новую жизнь.

Воришка пожал плечами. Ему было всё равно.

Он надел перчатки, и мир на миг выцвел, а после окрасился новыми, куда более тусклыми, чем обычно, красками.

Вдалеке, возможно, на том конце света, что-то неясное, но такое желанное поманило его к себе.

Интерлюдия

Честная цена

Валлай ждал связного уже пару часов. Они условились встретиться в полдень, поэтому наёмный убийца, с утра закончив все приготовления к отъезду, расположился у дальней стены харчевни так, чтобы видеть вход, и сначала заказал себе обед, затем неторопливо выпил кружку пива, за ней – вторую, а после второй и третью. В конце концов, его дела в Новом Бергатте закончились, и он мог позволить себе расслабиться.

Хозяин таверны, Шёлк, как все его здесь называли, болтался то у входа, то у стойки, совершенно очевидно изнывая от скуки, тоски и жалости к себе. Валлай проторчал в «Жирном Окуне» уже добрых две недели и понимал чувства хозяина. После того странного случая со сказителем к Шёлку практически не ходили. А зря, место было вполне неплохим: кормили прилично, выпивка достойная, а прислуга обходительная, чего уж говорить о хозяине, едва не облизывающем состоятельного постояльца. Фактически, наёмный убийца стал единственным постоянным посетителем «Жирного Окуня», но в первую очередь именно из-за безлюдности этого места. Шёлк едва не завыл от отчаяния, когда узнал, что Валлай уезжает в ближайшее время.

У Валлая, как и у всех хороших наёмных убийц, терпения имелось в избытке, но оно готово было лопнуть, когда двери, наконец, открылись и в зал вошёл связной. Им оказался жрец Единого, как всегда у этого нанимателя. Тощий и сутулый, со впалыми глазами. Обычный замухрышка, которыми чаще всего представляются низшие чины храмов. Скорее всего, он таким и был.

– Валлай, – сказал жрец, усаживаясь напротив.

Наёмный убийца сделал долгий глоток, посмаковал пиво во рту, проглотил, ещё раз отпил, посмаковал, проглотил, посмотрел на открывшееся дно кружки, дунул на остатки пены, поставил кружку на стол, тяжело вздохнул и с равнодушной физиономией произнёс:

– Именно. А тебя как называть, жрец?

Жрец нервно облизнул тонкие губы, посмотрел на меч, стоящий у стены, сглотнул и быстро сказал:

– Это неважно. Каковы результаты расследования?

Они никогда не назывались и всегда сразу спрашивали про результаты расследования. Или мертва ли цель. Или сколько денег он хочет за следующий заказ. Никакой банальной человеческой вежливости.

– Могильщик, которого вы ищете, был здесь впервые в начале августа. Примерно через полторы недели он, израненный, остановился в окрестностях города в небольшом трактире. Сказал, будто на него напали разбойники, и снял каморку одного из поварят у хозяина. Он хорошо платил, поэтому хозяин, Негри, не задавал вопросов. Дальше...

– Возможно, – прервал Валлая жрец, – ты недостаточно хорошо платил этому Негри?

Прежде чем ответить, Валлай допил пиво. Они часто так себя вели. Одновременно и испытывали перед ним страх, и чувствовали мощь, стоящую за их спинами. Понимали, что он может уделать любого из них одним хлопком, но в то же время считали, будто он не посмеет сделать это. Что ж, они были правы. Каждый раз. Но знать им об этом не обязательно.

Валлай был рубакой, никаким не убийцей благородных, вроде скважечников, и не

обладал большим актёрским талантом, да и не нужен он ему. Валлай хорошо дрался на мечах и отлично выслеживал цели. И одиннадцатилетняя жизнь простого рубаки оставила следы не только на его теле, но и на характере.

Наёмный убийца состроил запугивающую мину, склонился к жрецу и прошипел:

– Если ты, мелкий уёбок, ещё раз посмеешь вслух усомниться в моих профессиональных качествах, моргнуть не успеешь, как я разрублю твоё тело на куски и выброшу на помойку, где бродячие собаки не оставят от него и следа. Когда последняя собака дожрёт последний кусок твоего тела, я вернусь сюда и буду ждать следующего связного. И если он даже спросит, не видел ли кто тебя, ни я, ни кто-то из этой харчевни не скажет правды. Потому что я сумею их убедить, что иметь проблемы со мной сейчас гораздо хуже, чем иметь проблемы со жрецами Единого позже. Понял меня?

Жрец затрясся, но промолчал. Валлай медленно положил на стол испещрённый шрамами правый кулак и чуть громче прорычал:

– Понял меня?

– Понял, – пискнул связной, отшатываясь так, будто убийца только что ударил его этим самым кулаком.

– Это упростит дело. – Валлай зевнул, прикрыв рот ладонью. – На будущее: когда хозяину места вроде того, где был тот могильщик, платят деньги, чтобы он не задавал лишних вопросов, он не задаёт лишних вопросов. Потому что хозяину подобного места лучше действительно ничего не знать, когда кто-то другой придёт к нему задавать вопросы. Так спокойней. Так вот. Могильщик две недели отлёживался, залечивая раны, и ушёл, купив еды на несколько дней. Очевидно, на восток, потому что идти отсюда больше некуда. Но на три дня пути отсюда его никто или практически никто не видел. По крайней мере, ни в один из трактиров он не заходил и не светился ни на рынках, ни в борделях, ни в лавках, где можно было бы продать награбленное в Бергатте. Один мальчишка как будто бы видел его, но я не слишком-то уверен в его словах. Это случилось в паре дней пути отсюда на восток.

Валлай замолчал и, взяв кружку, допил остатки пива.

– Это всё? – с явным разочарованием спросил жрец.

– Нет, не всё, – вздохнул убийца. – Мне дали ещё ориентир на второго могильщика, того, что со шрамом на подбородке. Так вот, из Бергатта он вернулся отдельно от первого, за пару дней до него, если быть точным. Вернулся он, кстати, в совершенно другой одежде, чем в описании. Он был в этом трактире. Купил одежду, причём платил золотом, отчеканенным до войны, и тоже как в воду канул. Теперь всё.

Жрец кивнул и мрачно уставился куда-то в сторону. Он выглядел недовольным. И его наниматель, скорее всего, будет недоволен. Да что говорить, сам Валлай недоволен результатами своего расследования. Но у него было не так много времени. Продолжи он искать дальше на востоке, наверняка нашёл бы какую-нибудь ниточку, ведущую к цели, но на это требовались недели.

– Дерьмо, – проворчал, наконец, жрец. – Те, кого мы ищем, теряются на западе. Те, кого мы отправляем проповедовать, теряются на юге. Те, кого мы отправляем искать тех, кого ищем, и тех, кого отправляем проповедовать, или ничего не находят, или находят какие-то жалкие крохи, с которыми ничего не сделать. А с кого спрашивают за отсутствие информации? Конечно, со связных... Блядь, – с чувством выдохнул он после паузы.

– Ко мне есть ещё какие-то вопросы? – спросил Валлай.

– Нет. Контракт как будто бы выполнен, можешь быть свободен. – Жрец поднялся со

стула. – Если от тебя что-то потребуется, с тобой свяжусь.

Они всегда связывались, поэтому Валлай кивнул и махнул хозяину, подзывая. Можно ещё выпить. Он неплохо заработал за непыльную работёнку. Даже запугивать почти никого не пришлось, не то, что убивать.

Шёлк не успел подойти к нему, а связной не успел дойти даже до центра зала, когда это случилось.

Жрец резко остановился и затрясся всем телом. А потом издал вой, который просто не могла бы издать человеческая глотка, и рухнул на пол, забившись в припадке.

– ОНО! ОНО БЫЛО ЗДЕСЬ! МНЕ СТРАШНО!!! – завизжал жрец и клацнул зубами так, словно кто-то захлопнул его рот.

Хозяин харчевни остановился, вытаращив глаза и разинув рот, единственная служанка завопила от страха и смылась, но, к счастью жреца, в зале находились не только эти двое. Валлай вскочил с места, в три прыжка подлетел к связному и сел рядом. Из рта припадочного хлестала уже даже не сукровица, а кровавая пена, глаза закатились, хотя веки остались открытыми. Убийца осторожно повернул его на бок и нашёл глазами хозяина.

– Беги в ближайший храм Единого и веди всех, кого можешь. Бегом!

Шёлк, к его чести, быстро пришёл в себя. Он судорожно кивнул и сорвался с места.

Жрец продолжал биться в конвульсиях, но рта больше не раскрывал. Он дышал, язык хоть и прикушен, но не запал, а значит, лучше просто дождаться конца припадка. И жрецов, которые определяют, не замешаны ли в этом припадке силы богов. Ну или простая магия.

Шёлк вернулся через четверть часа. Кажется, он действительно привёл всех, кого мог – с ним прибежало сразу полдюжины жрецов, причём, трое из них, судя по большим животам и богатым рясам, самых высоких чинов для этого захолустья.

– Он жив, – сказал Валлай и отошёл, давая место у припадочного.

Жрецы Единого обступили брата со всех сторон, синхронно встали на колени и принялись колдовать над ним. Ну, то есть, произносить целебные молитвы, прикладывать освящённые мощи и всё такое прочее, но наёмный убийца заметил в их руках пару магических амулетов. Конечно же, сделаны они руками послушников и с божьей помощью, но по сути своей ничем не отличались от тех, что продают в колдовских лавках. С той разницей, конечно, что жрецы вообще никогда не бывали магами и никогда в жизни не колдовали.

– Пива мне принеси, что ли, – сказал Валлай вставшему рядом с ним Шёлку.

Хозяин кивнул и ушёл на кухню. Он, кажется, опять впал в ступор, но сейчас это было позволительно. Наверняка раздумывает, насколько его дела ухудшатся после этого припадка.

Тем временем жрецы привели своего в чувство и уложили на спину. Тот опять принялся бормотать что-то в духе «оно здесь было», «мне страшно», «спасите, спасите» и трястись. Больше Валлай не расслышал. Да он и не хотел подслушивать. Иногда лучше вовсе ничего знать, и это как раз тот случай.

Один из жрецов, с большим пузом и густой окладистой бородой, почти достающей до пупа, поднялся на ноги и, уже не стесняясь, вытащил из объёмной рясы амулет. Очень нехороший амулет – череп неродившегося телёнка, инкрустированный золотыми нитями.

– Скажи, – повелительно рыкнул он черепу.

Тот ничего не сказал, но в воздухе как будто повисло какое-то напряжение. Через секунду кость распалась на куски, а раскалённое золото обожгло до черноты руку жреца, который молча рухнул в обморок от болевого шока.

– Вот так хуйня творится, – процедил один из младших, как показалось Валлаю, послушников. – Здесь явно баловались не простые маги.

– Здесь явно было что-то не от мира сего, – прохрипел один из пузатых, вытирая пот с побледневшего лица. – Нам нужна помощь.

– И покой, – кивнул тощий. Он поднялся с колен и уставился на Валлая. – Не покидай город, ты можешь нам понадобится. Все расходы за постой беру на себя. А ты, – он повернулся к Шёлку, вошедшему в зал с кухни, – сегодня же продашь нам свою харчевню по честной цене.

Шёлк кивнул и залпом выпил пиво, которое нёс Валлаю. На его губах как будто промелькнула улыбка. Конечно, когда у тебя выкупают по честной цене убыточное заведение, как тут не обрадоваться? У хозяина «Жирного Окуня» всё сложилось куда лучше, чем можно было ожидать.

Валлай же как будто даже испытал укол любопытства. Кажется, здесь происходили интересные и очень странные дела. А очень странные дела зачастую приносили либо хорошие деньги, либо вечный покой по ту сторону Туманных гор. Но риск всегда того стоил.

– Я сам схожу за пивом, ничего? – спросил он у Шёлка.

Тот кивнул и, с трудом сдерживая алчную радость, сказал:

– Бери любое, бери сколько хочешь. За счёт заведения.

* * *

Эльверст стоял поодаль, за деревьями, и никто из четвёрки, идущей по тропе, не видел его. Одного из них он знал – тот самый могильщик, который совсем недавно покинул Бергатт. Двое других совершенно неожиданно были жрецами Единого, а третий, несмотря на более или менее приличную одежду, походил на бродягу или попрошайку – таких Эльверст за свою жизнь видел достаточно и мог легко узнать даже в самой богатой одежде. По заискивающему, бегающему по сторонам и никогда не поднимающемуся взгляду, скорее всего.

Могильщик догнал младшего жреца и с презрительной улыбкой что-то у того спросил. У них завязался разговор, и буквально спустя пару фраз по резко меняющемуся выражению лица могильщика Эльверст понял – ничем хорошим он не закончится.

Так и произошло.

Сновидец с ужасом смотрел, как могильщик убивает сначала жреца, а потом начинает душировать петлёй его помощника. Смотрел на его перекошенное от ярости лицо и слушал время от времени доносящуюся до него ругань убийцы. И если раньше Эльверста мучила совесть по поводу той охоты, которую объявили на черноволосого и других могильщиков, то теперь его обуял праведный гнев.

Всё правильно. Эти безжалостные убийцы не должны жить.

Эльверст сжал кулаки, сделал шаг вперёд...

... и будто провалился куда-то. Вернее, в когда-то.

Лес, кажется, тот же. Но в то же время – совершенно другой. По тропе, которая была куда шире и лучше натоптана, шли двое. Один очень высокий, плечистый мужчина средних лет, красивое благородное лицо обрамляла окладистая борода. Второй едва доставал макушкой до груди первого, его спина выгнулась горбом, руки казались тростинками на фоне

широкой груди, он едва шагал, подволакивая слишком длинную правую ногу, а лицо его скрывала уродливая маска, сделанная из десятков разноцветных лоскутов, намотанных вокруг шишковатой головы, которая подошла бы мужчине ещё крупнее его могучего спутника. Их одежда имела непривычный крой, а мужчина носил чулки, как всадник, хотя никакой лошади при путниках не было. Зато у мужчины на поясе висел меч, а в руках посох с железным навершием.

– Нет ничего плохого в том, что ты убил их, – говорил мужчина глубоким звучным голосом. – Они – лишь скот. Их не нужно ненавидеть или презирать. Просто ты должен понять: они – другие, они – хуже нас. Как думаешь, крестьянин, что забивает корову на мясо, ненавидит её?

– Нет, – прошелестел его спутник, тонкой ладонью теребя маску.

Голос принадлежал юноше, если не мальчику.

– Ты понял меня, – кивнул мужчина. – Но пойми и другое: обычно крестьянин забивает бычка, чтобы потом съесть его. Он не бросает тушу гнить.

– То есть, я всё-таки поступил плохо?

– Ты поступил глупо, мальчик мой. С этих людей можно было бы взять энергию, если всё сделать правильно и вовремя. Ты же просто выпустил её в воздух. Так делать не нужно.

– Но... – юноша судорожно вздохнул, словно ему не хватало дыхания, – я выпил их, когда убил.

– Ты выпил лишь часть. Когда крестьянин, у которого нет ледника, забивает бычка? Поздней осенью, когда снег уже ложится на землю до самой весны, я прав? А что будет, если он забьёт его летом? Ему останется только вырезать лучшие куски, которые он успеет съесть, прежде чем остальная туша стухнет.

– Тушу можно закоптить, – неуклюже пожал плечами горбатый, – или засолить, или завялить.

Мужчина немного смущённо кашлянул.

– Я давненько уже отошёл от мирских дел. Энергию не закоптишь и не засолишь. Либо ты пьёшь всю до остатка, либо она уходит в мир. Надеюсь, моя ставшая после твоего замечания неуклюжей метафора всё же тебе понятна.

Они шли некоторое время молча. Когда путники уже почти поравнялись с Эльверстом, юноша спросил:

– То есть, если меня в следующий раз начнут задирать и дразнить, мне просто пройти мимо, не обращая никакого внимания?

– Нет, мальчик мой, – улыбнулся мужчина. – Люди – это просто еда, им не положено задирать нас и оставаться после этого безнаказанными. Сломай им ноги и руки, вырви языки и выбей зубы, заставь их страдать и молить о пощаде. Тогда ты почувствуешь своё место, а они – своё. А после, в нужный час, выпьешь их души до самого конца.

– Хорошо, – сказал юноша в маске.

– Ты что-то хочешь ещё спросить? – вкрадчиво спросил мужчина, на ходу склоняясь к своему спутнику.

– Нет... то есть, да... Если люди – только еда, то моя мать...

– Твоя мать родила тебя на свет, и это всё, что от неё требовалось. Пусть она обладала даром, она была не одной из нас, а одной из них. Пусть мы и люди похожи...

– Ты похож на них, я – нет, – зло перебил спутника юноша.

– Ты тоже похож, мальчик мой, пусть и не так сильно. Я знаю, как тебе тяжело, но ты

должен это понимать. Лучше просто не думай о матери, забудь о ней и никогда не вспоминай. Главное, ты – один из нас, Крион. Думай об этом.

Юноша кивнул.

При этом его красные от прожилок глаза смотрели только на Эльверста так, будто видели его...

Сновидец вскрикнул и проснулся.

– Тише, – сказала она, приглаживая его мокрые от пота волосы, – я здесь.

Эльверст закрыл глаза. Да, она здесь, и это хорошо.

Убрать катетер, вынести горшок. Напоить его и сунуть в рот пару ложек каши. Затем поднять на руки, посадить в деревянную бадью с тёплой водой и вымыть. Сновидец весил, как десятилетний ребёнок, если не меньше, и это не составляло труда даже для женщин.

У Нилли всё это хорошо получалось, несмотря на её благородное происхождение.

Далее Эльверста следовало накормить и проверить его спину и ягодицы на пролежни. Но у Нилли своя очерёдность процедур.

Она усадила его на кровать и быстро сняла с себя платье. Нилли не была красавицей – слишком крупный нос и тонкие губы. Девушка имела выдающуюся грудь, но слишком узкие бёдра. Но сейчас Эльверст забыл даже об Аклавии – он ждал этого и был готов к этому ещё с того момента, как увидел её, проснувшись. Нилли уселась на его член и тихо застонала, выгибаясь всем телом и впиваясь пальцами в его узкие плечи. Сновидец, как мог, обхватил её талию своими жалкими культиями и уткнулся лицом в груди.

Отец Нилли не стеснялся устраивать оргии прямо при своих детях, и на Нилли это повлияло. Уже в четырнадцать она впервые забеременела, то ли от кого-то из слуг, то ли от родного брата. Скандал замяли, беременность прервали, но девушка и не думала останавливаться. Напротив, лишь вошла во вкус. В конце концов, после третьего мёртвого ребёнка маги объявили её бесплодной, последние надежды на замужество растаяли, и её сбагрили сюда лечиться от душевной хвори, которую Аклавия называла «нимфоманией». Лечиться девушке, едва достигшей двадцатилетнего возраста, видимо, придётся до конца своих дней. Но Эльверст был этому даже рад: её приставили к нему сразу после того злополучного сна и не меняли. Она вызвалась прийти к нему добровольно, остальные же... Им было противно, Эльверст знал это, он видел отвращение на лице каждой, приходившей к нему раньше. Все оказались довольны.

– Ну, – шептала Нилли, тяжело дыша, – скажи, тебе хорошо? Хорошо?

Рот сновидца был занят её соском, поэтому он промычал в ответ что-то невразумительное.

– Думаю, ему хорошо, – раздался голос Аклавии.

Вздвогнув, Эльверст оторвался от груди Нилли и поднял голову. Настоятельница стояла у кровати, на её губах едва виднелась презрительная улыбка.

– Она так стонет, что все соседи знают о твоём пробуждении, – ответила Аклавия на незаданный вопрос.

Её как будто не смущало то, чем они занимаются. Да и Нилли даже не собиралась останавливаться. Кажется, смущён был один Эльверст.

– Дела не ждут, – произнесла настоятельница, усаживаясь табурет, стоящий рядом с кроватью. – Что ты видел в этот раз?

– Могильщик, – быстро сказал Эльверст и захлебнулся собственным дыханием. – Тот самый могильщик убил двух жрецов Единого.

Глаза Аклавии сузились, презрительная улыбка сменилась почти звериным оскалом.

– Опиши жрецов и место, где это произошло.

Сновидец попытался сосредоточиться, чтобы припомнить все подробности, но как тут сосредоточишься как следует... Эти попытки привели совсем не к тому результату – он кончил, а Нилли разочарованно застонала. Пока она слезала с него, Эльверст понял, что в принципе ничего не может рассказать. Один жрец постарше, другой – помоложе, лес, тропа, четвёртый спутник...

Запинаясь от смущения, он рассказал всё, что смог, про себя проклиная послушницу, даже не удосужившуюся прикрыть его наготу. Аклавия смотрела ему только в глаза, но от этого Эльверст ещё сильнее ощущал своё уродство. И, с другой стороны, испытывал ещё большую благодарность Нилли – ей было плевать, какой он, если он мог дать ей то, что нужно. Аклавия, казалось бы, делала то же самое: позволила ему жить в храме за его дар. Но настоятельница презирала его, как бы ни пыталась этого скрыть, а Нилли – нет.

– Думаю, это они, – сказала Аклавия, выслушав его сбивчивый рассказ, – те самые пропавшие на юге Кайвен и Венле.

– Они...

– Да, они несли то слово Единого, которое я приказала им нести. Проклинали могильщиков. Ничего удивительного, что он захотел их убить. И убил. – Настоятельница на миг задумалась. – Ты уверен, что это был именно он? Уж слишком много неприятностей нам доставляет один и тот же человек. Не мог ты его спутать с кем-то?

Эльверст прикрыл глаза. Картина убийства младшего жреца буквально стояла перед глазами, будто он сам был там, и с тех пор прошло не больше пяти минут. Багровое лицо послушника, его разинутый рот, закатывающиеся глаза. И перекошенная от злобы рожа могильщика.

– Его нос сросся не совсем ровно, но я уверен, что это именно он.

– Хорошо, я верю тебе. Но, может, ты вспомнишь ещё какие-нибудь подробности? Быть может, они называли его имя?

Сновидец почти не слышал разговора, лишь злобные вопли убийцы, но он честно попытался вспомнить. Тщетно. Оставалось лишь горестно развести культиями в разные стороны.

– Ладно. По крайней мере, благодаря твоему сну я смогу-таки выбить из наших меценатов денег на охрану проповедникам. Что-то еще полезное тебе снилось?

Эльверст собирался уже рассказать про Криона, которого он до этого дня считал лишь легендой, но мотнул головой. Если Выродок и вправду ходил по эту сторону Туманных Гор, с тех пор прошли сотни лет. Аклавию интересуют только последние события. Да и какое Мясник имеет отношение к происходящему?

– Хорошо, – сказала Аклавия. На её губы на миг вернулась презрительная ухмылка. – Будем считать отсутствие плохих новостей хорошей новостью. – Настоятельница поднялась с табурета и направилась к выходу из кельи. Уже в дверях она обернулась и, едва скрывая презрительное отвращение, произнесла: – Нилли, можешь остаться у него ночевать, если захочешь.

– Конечно, моя госпожа, – фыркнула потаскушка своим хрипловатым голосом. Она презрение скрывать даже не пыталась. Когда Аклавия вышла, послушница села рядом со сновидцем, взглянула ему в глаза и призывно ухмыльнулась. – Раз здесь мне разрешают трахать только тебя, в этот раз спать я тебе не дам как можно дольше.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/39q>